

Валерий Большаков
Магистр
Серия «Закон меча», книга 3

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=592175
Валерий Большаков. Магистр: АСТ, Астрель-СПб; Санкт-Петербург; 2010
ISBN 978-5-17-068269-0, 978-5-4215-1011-6, 978-5-9725-1820-3*

Аннотация

Олег Сухов – личный «спецназовец» императора. Его специальность – заговоры и спецоперации. Усмирить восстание. Сменить неугодного короля.

У Сухова нет личной армии, зато имеется элитная «сборная» варягов для решения силовых проблем и любимая женщина – для распутывания политических интриг. Проиграть с такой командой просто невозможно.

Правда, могут убить...

Содержание

Глава 1,	5
Глава 2,	12
Глава 3,	23
Глава 4,	34
Глава 5,	41
Глава 6,	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Валерий Большаков

Магистр

...Неожиданно из-за арки, стоявшей поперёк улицы, вышли ещё двое в обтягивающих брючках-шоссах, больше всего напоминавших подгузники, причём штанины были разных цветов – у одного жёлто-голубые, у другого – красно-чёрные. Выхватив кривые мечи-скимитары, венецианцы бросились на Олега.

Сухов изобразил испуг и развернулся, делая вид, что изготавился бежать. Его рослый и статный противник, тоже вооружённый скимитаром, злорадно ухмыльнулся. Расставив руки пошире, присев на полусогнутых ногах, он ловил струсившего ромея – и нарвался на меткий выпад. Олегов меч вонзился снизу вверх, протыкая сердце.

Венецианец даже не захрипел в истекающие секунды жизни – выронив клинок, он привстал на цыпочки, пуча глаза и растягивая рот в неслышном крике. Олег выдернул меч и повернулся кругом к парочке «разноцветных». Сойдясь на мечах с «красно-чёрным», более опасным и опытным противником, Сухов стал кружить, уходя от клинка «жёлто-голубого», – тот подпрыгивал, ярился, пытаясь достать патрикия и аколита, но его намерению то и дело мешал напарник, будто нарочно загораживавший Олега. Итальянец и рад был бы уступить товарищу, да не мог выйти из магического круга, который со звоном и шипением рассекаемого воздуха чертила беспрестанно разящая сталь. Олег Полутролль, гридень Рюрика и Халега Ведуна, владел мечом на уровне, недостижимом для венецианских бретёров.

«Красно-чёрный» прилагал отчаянные усилия для того, чтобы только удержать скимитар. Скованный величайшим напряжением, он изнемогал, венецианцу казалось, что у противника отросло шесть рук, как у страшненького божка из Индии, и сразу полдюжины мечей пытаются иссечь его. Томящий страх набухал в венецианце, рождая отчаяние, – «красно-чёрный» уразумел, что магистр не бьётся с ним, а забавляется, теша себя жестокой игрой. В какой-то момент произошёл надлом – рука бретёра дрогнула, пропуская удар, и меч-спафион перечеркнул ему горло – вбок словно брызнуло рубиновым вином.

Обратным движением клинка Олег поразил «жёлто-голубого» – тот умер, так и не успев ничего понять.

Сухов медленно выдохнул – и услышал топот. Ещё трое, нет, четверо со скимитарами выбегали из старого парка, над деревьями которого возвышалась одинокая колонна зелёного в крапинку мрамора. С кличем «Святой Марк!» они всем скопом бросились на Олега...

Глава 1, в которой Олег решает уберечь Его Величество

Ромейская империя¹, Константинополь.

Лето 935-е от Р. Х.

Весна в Константинополе напоминала Олегу Сухову русское лето – та же зелень кругом да теплынь. Разве что ночи случались сырые, промозглые, да море иной раз угрюмело, срываясь в бурю.

Зябнущие ромеи всё еще разжигали в своих домах жаровни, всё кутались в шубейки из лисьих да козьих шкур, а Сухов, наоборот, снимал с себя надоевшие теплые вещи – и радовался нарастающему теплу. Весна в здешних краях была коротка, она не тянулась месяцами, развозя грязь да слякоть. Природа тут просыпалась сразу – животворящие соки земли бежали всё веселей, всё шибче, питая корешки и готова вершки к цветению...

Олег покинул дом с первыми лучами солнца. Неширокие, извилистые улицы ещё тонули в плотном сумраке, но уже не были ни тихи, ни пустыньны. Торговцы, зевая и потягиваясь, отпирали лавки, сонные никтофилаксы – ночные стражники – шли отсыпаться, мистии – подёнщики крутились у пристаней и прочих хлебных мест, а тысячи придворных, зябко кутаясь в нарядные сагии – плотные плащи-накидки, поспешали в Палатий,² боясь пропустить церемонию торжественного шествия базилевса,³ ежеутренне являвшегося народу. Хоть ромеи и считали себя потомками римлян, а с виду такого не скажешь. Римские тоги и туники облегали тела, складками отзываясь на движения, подчеркивая статью, а вот ромейские одежды были настолько тяжелы и жестки, будто упаковывали своих хозяев в цилиндрические футляры, в негнушиеся обертки с головы до пят.

Обычно патрикий⁴ Олегарий, как прозывали Сухова ромеи, и сам с рассветом направлял стопы к императорскому дворцу, но этим утром его ждали иные заботы. Закутавшись в черный сагий, Олег двинулся в обход церкви Святого Сампсона, пока не вышел к старой городской стене. Замшелая кладка не впечатляла – по сравнению с мощью укреплений Феодосия,⁵ защищавших западные пределы города, стена была и пониже, и пожиже. Неширокая улица, примыкавшая к куртинам и башням, тянулась до порта Неорион. Не доходя до Золотого Рога, улочка разбегалась узкими, загаженными проулками, где обитали грузчики, моряки и прочие нищоброды. Появляться в трущобах было опасно, ничего не стоило потерять и кошелёк, и жизнь, зато шпионам на глаза не попадешься. А уж соглядатаев в Городе хватало – подсматривали, подслушивали все, кому не лень, доносы писались пачками.

Олег и сам «сплёл» целую агентурную сеть – из мистиев и невольников, проституток и беспризорных мальчишек. Расходовал он на это дело медяки, а сведения порой такие поступали, что и золота не жаль. У кого из сановников роман на стороне, кто из высших чинов склонен торговать секретами, что творится за стенами лучших домов Константинополя – обо всём сообщали патрикию Олегарию. Хозяева обсуждали свои дела при слугах, в упор не замечая челядь – как будто у тех не было глаз и ушей. За тринадцать лет жизни в

¹ Ромейская империя – верное название для Византии. Ее население – ромеи, потомки римлян и эллинов, никогда не называли себя византийцами. «Византия», как и «Киевская Русь», – выдумка кабинетных историков.

² Палатий – Большой императорский дворец, именуемый так же Священными Палатами.

³ Базилевс – император. Роман I Лакапин, выйдя из низов, стал опекуном малолетнего Константина VII, потом женил его на своей дочери и правил империей до старости.

⁴ Патрикий – высокий титул I го ранга. Примерно соответствовал генералу или тайному советнику.

⁵ Феодосий Великий – император, чьим попечением были выстроены мощные укрепления – тройной ряд стен, защищавших Константинополь с суши.

Царьграде Сухов вызнал подноготную богатейших и влиятельнейших семей империи. Фоки, Куркуасы, Аргиры, Дуки, Комнины – все хранили «скелеты в шкафу», за всеми числились тайны непристойные и зловещие, постыдные и ужасные.

...Мимо проехал старенький священник на понуром ослике. Старичок осенил Олега двоеперстием, и тот уважительно склонил голову.

«Ох уж эти тайны, – вздохнул Сухов, – ох уж этот лицемерный, коварный, шпионский мир...»

Некогда сам Халег Ведун, великий князь новгородский, оставил Олега тут «для пригляду», дабы вызнавать секреты ромейские и посылать весточки с людьми верными на далекий Север. Однако Халег давно уж упокоился – лет пять, как сожгли погребальную лодью князя. Нынче высокий курган над его могилой травой успел порастить.

И с кем Сухову теперь связь держать? Кому слать «совершенно секретные» сведения? Молодому, безбашенному Хельгу, еще одному тёзке, потрясающему леса и степи на том берегу Русского моря?⁶ Или Ингорю Рюриковичу, князю киевскому, по прозвищу Старый, слабому и неудачливому сыну великого конунга? И это только самые видные фигуры в «далёкой стране Рос», а там ещё десятка два правителей понеприметней водится – конунгов, кунингасов, райксов да всякого княжья. Им пособить? Смешно, право...

Хельг на всех страху нагнал, каждый год уходит в набег – то хазарам жару даст, то на франков набросится, то еще на кого. Но уж больно горяч молодой князь, стратегии не ведает вовсе, а тактика у него одна и та же – переть напролом.

Такой, если и воспользуется секретными сведениями, то лишь для того, чтобы напасть и покуражиться всласть.

И Олег выбрал князя Ингоря Старого, хоть и против желания, – несимпатичен ему был правитель Киева. Однако долг превыше всего. Ещё малость подумав, Сухов признал, что кой-чего добиться удалось-таки. Разве не стал Ингорь, сын Рюрика, терпимее к христианам? Стал. Вон и церкви велел не жечь, а монахов и купцов ромейских привечать по-всякому. «И то хлеб...» – скупой улыбнулся Олег.

«Знать, какова знать!» – такой, шутливый с виду, девиз придумал патрикий Олегарий своим агентам. Знание это, подчас весьма опасное, не раз помогало Сухову уберечься от дворцовых интриг и преследований – Священные Палаты больше всего напоминали роскошный террариум, гадючник или паучатник, где остервенело соперничали десять тысяч сановников. Подкуп, лесть, клевета, отравы или нож в спину – всё годилось в потаённой борьбе за власть, за близость к императору, к его подачкам и милостям.

И вот ещё одно важное сообщение – информатор доложил Олегу о зреющем заговоре против базилевса Романа I Лакапина. Императора заговорщики готовы убить, дабы посадить на трон Константина Багрянородного, взрослого давно, но до сих пор опекаемого Романом, и погреться в лучах возведенного ими Величайшего, поиметь злата-серебра, земель и рабов вволю.

На памяти Сухова это была уже третья или четвёртая попытка государственного переворота. Предыдущие не удались, нельзя было позволить, чтобы стала успешной и эта, пока последняя по счету, – базилевс вполне устраивал Олега. Роман I, сын армянского крестьянина Феофилакты, ценил верных ему людей, он был щедр и приближал «выдвиженцев» к своей особе, так сказать, «через ступеньку».

Тринадцать лет тому назад император возвёл Сухова, крещёного варяга, в спафарии. Четыре года спустя Олег, минуя целый ранг,⁷ получил титул патрикия. Плохо разве?

⁶ Русское море – ныне Чёрное. Ромей прозывали его на эллинский манер – Понтом Эвксинским.

⁷ Спафарий – титул 3-го ранга. Затем следовали титулы более высокого 2-го ранга (спафарокандидата и протоспафария) и ранга 1-го – дисипата, патрикия, анфипата и магистра. Еще более высокие титулы куропалата, новелиссима и кесаря давались только ближайшей родне императора.

...Он обогнул заброшенный Большой театр, покривившись и отворачивая лицо. Когда-то тут ставили пьесы Софокла и Плавта, а нынче на площадке оркестры, что перед сценой, разыгрывались иные трагедии с комедиями – там казнили государственных преступников.

– О, времена, – пробормотал Сухов, – о, нравы... – и вернулся к прерванным мыслям.

Быть патрикием не только лестно и почётно, но и выгодно – титул обеспечивал владельцу безбедное житье и массу привилегий, пропуская в узкий ближний круг, что теснился у самого престола. А взойдёт на трон новый император и что тогда? Ведь начнётся драка, вперёд, к кормушке поближе, пробьются новые фавориты, а приближенных свергнутого Романа оттеснят в задние ряды, обрекая на прозябание и тихое забвение. А оно ему надо?

Патрикий зорко осмотрелся, отвлекшись от дум. За вонючими кучами мусора поднимались обшарпанные стены многоэтажек, обиталищ для отверженных и убогих. Первые этажи были заняты под лавочки и мастерские, а верхние уступами выпирали наружу, нависая над улицей и едва не смыкаясь грязными стенами. Улички превращались в подобия сырых и промозглых ущелий, где всегда густела тень и даже днём не гасли копотные светильни. Дуло как в трубу, но никаким сквознякам не под силу было выветрить вековечный смрад.

В полутьме облупленных колоннад обозначилось движение, и Олег откинул тяжелую полу сагия, открывая ножны меча. Тени замерли.

Привычным движением положив ладонь на рукоять спаффона,⁸ Сухов углублялся в район «высоток», не сбавляя шага. Живописный оборванец пересек его путь, небрежно крутя нож в ловких пальцах, и вдруг замер, поклонился почтительно.

– Привет тебе, сиятельный, – просипел он, узнавая.

– И тебе того же, Кенхри, – улыбнулся Олег своему агенту. – Как успехи?

Кенхри-Живоглот сделал неопределенный жест.

– Живем, не тужим. Удачи, сиятельный...

– Добычи! – пожелал Олег.

Согнувшись в прощальном поклоне, босяк скользнул за выщербленные колонны и словно растворился в полутьме. Ушел на дно...

А Сухов двинулся дальше, поглядывая по сторонам и не забывая посматривать вверх – из окошек и помой могли выплеснуть ему на голову, и ночной горшок опорожнить.

Впереди, выставляя девятый этаж под зоревые лучи, громоздилась «высотка» побогаче – кое-где и балкончики имелись, а между окон выступали облезлые пилястры. Желтоватые стены, поддерживавшие красную черепичную крышу, издали выглядели нарядными, веселенькими даже. Многоэтажку обрамляла аркада на облезлых колоннах, под нею чадили большие жаровни, трепетали язычки пламени. В сизом дыму чернели страшные фигуры нищих – сгорбленные, скрюченные, искалеченные. Те, кто были ближе к огню, грелись сидя, кто подальше – стоя. А один из нищих и вовсе лежал. Не жилец – умирающий клекотал и хрипел ошмётками лёгких, царапал грудь, тужился в последнем усилии жизни... Никто не обращал на него внимания.

Олег нахмурился, но шаг не замедлил. Однако и не ускорил свой уход – ранее его ужасали все эти «донные отложения», эта человеческая гниль, а после он притерпелся, стал лишь брезговать нищими духом и телом. Это было отвратительно – побирушки трясли культами, растравляли страшные раны, паразитируя на людской жалости. Каменщик в поте лица своего зарабатывал в день фоллов⁹ двадцать, а нищий, с утра до вечера канючивший на паперти, выпрашивал милостыни на сотню. И кого тогда следовало жалеть?

⁸ Спаффон – обоюдоострый меч.

⁹ Фолл – мелкая медная монета. 12 фоллов составляли 1 серебряный милиарсий, из 12 милиарсиев складывалась 1 золотая номисма.

Не переставая хмуриться, Сухов шагнул в тень аркады и переступил порог трактира «Золотая шпора», ногой нащупывая крутые ступеньки. В лицо пахнуло чесноком и луком, дешёвым вином и жареной рыбой.

Было ещё рано. По строгому велению епарха, градоначальника Константинополя, трактирам полагалось начинать работу в восемь утра и закрываться в восемь вечера, но портовая окраина жила по своим законам.

«Золотая шпора» занимала обширный подвал, низкие своды коего будто проседали под тяжестью многоквартирного дома, плюща толстые колонны-тумбы. Сквозь узкие, часто зарешеченные окошки цедил бледное сияние восход, не затмевая светилен.

Длинные монастырские столы желтели скоблёным деревом, на лавке в углу храпел загулявший мореход, а за каменной стойкой зевал кабатчик. Сонно моргая на Олега, он осведомился глухим голосом:

– Чего изволите?

– Горячего подай. И вина хорошего. Хиосское есть?

– А как же! – засуетился трактирщик и трубно взревел: – Анна!

Из жаркой кухни выплыла пышногрудая девица, румяная и простоволосая.

– Звали? – буркнула она, упирая красные руки в толстые бока.

– Где тебя носит? Не дозовёшься... Тут свининки ждут, с капусткой фригийской. Хлеба испекла?

– А то...

– Таци. И кувшинчик хиосского!

– Вилку прихвати, – велел Сухов, и девица удалилась, смутно бурча про некоторых, кои зажрались, видать – пальцев им мало, вилки им носи...

Не слушая, Олег прошёл в дальний угол и сел спиной к стене. Отсюда ему был виден весь зал, а из окошка поддувала струя свежего воздуха.

Вскоре Анна принесла горшок с тушеной свининой, развернула тряпицу с изрядным куском каравай, поставила запотевший кувшинчик с вином – и двумя руками торжественно подала двузубую серебряную вилку с ручкой из кости. «Вот же ж язва», – усмехнулся Сухов. Впрочем, готовить она мастерица – мясо просто таяло во рту, а капуста нисколько не разварилась. И хлеб как пахнет!

Завтракая, Олег стал вспоминать. Ему было что вспомнить...

...Олег Сухов родился далеко отсюда – в Ленинграде, тысячу лет тому... вперёд. Сначала его водили в садик, потом он сам ходил в школу. Отслужил в армии, поступил в универ, устроился на работу. Занимался фехтованием, участвовал в соревнованиях, увлекался ролевыми играми. И все мечтал оказаться в прошлом, где его умения пригодились бы всерьёз, чтобы выжить и зажить хорошо, и даже лучше. Однажды его мечта сбылась – в лето 2007-е от Рождества Христова.

Фестиваль они тогда устроили, решили размяться в молодецкой утехе – выбрали на природу мечами самодельными помахать да шашлычков отведать под «пивас». Олег как раз общался с Шуриком Пончевым, врачом, что пользовал ролевиков, когда вдруг полыхнуло сиреневым, и синий туман поглотил весь видимый мир. Надо полагать, физики по соседству баловались – ковырялись во времени, тайны природы визнавая. Удался их опыт или провалился, неизвестно, а вот Олега с Пончиком закинуло аж в IX век, во времена варягов. В лето 859-е от Р. Х. На пустынные просторы Гардарики, древнего месторазвития Руси.

Те давние переживания уже почти стёрлись в памяти, а тогда его душу просто разрывало от ужаса и восторга, отчаяния и ярости.

Их обоих продали в рабство, и стал Олег-трэль медленно выбираться из неволи, выкарабкиваться из грязи да в князи.

Год спустя напали свеи, пришлось Олегу с Пончиком сопровождать посланцев конунга в далёкий Старигард,¹⁰ чтобы призвать того самого Рюрика. Призвали. Побили свеев. Олег тоже вломил вражинам, даже Рюрика спас, а когда спросили его, чем наградить, Сухов возьми да и скажи: «Волей!» Варяги захохотали и растолковали «путешественнику во времени», что он давным-давно свободен, ибо не может оставаться рабом тот, кто взял меч и бился за други своя.

Таков был суровый и гордый закон. И тогда Олег запросился к Рюрику в дружину, и конунг взял его, и братия была «за»...

Сходили они в поход на Лондон и Париж, под командованием Аскольда-сэконунга нагрянули в Константинополь. Сухов уже мечтать стал, прикидывать, как бы ему в ярлы¹¹ выйти, дружинку сбить и на собственной лодье прогуляться куда-нибудь в Кордову – вытрясти у тамошних сарацин их серебряные дирхемы и золотые динары. Увы, не пришлось – опять над ними заиграли сиреневые сполохи, опять накатила синяя туман, и перебросило Олега с Пончиком на целую жизнь вперед, в лето 921-е, в десятый век. И опять всё по новой...

Прибился Олег к светлому князю Инегельду Боевой Клык. Славно они тогда поразбойничали, пограбили богатенький Ширван. Там-то и встретил Сухов свою возлюбленную, ныне жену законную, Елену Мелиссину, самую красивую женщину на свете. Всякого он потом навидался – в Итиле, в Булгаре, в Новгороде, в Киеве. Однако и грозные «исторические события», и подвиги воинские, и даже крещение во храме Святой Софии – всё блекло перед той встречей во дворце ширваншаха, перед их первым свиданием, связавшим свирепого северного варвара и ослепительную зоста-патрикию – однажды и на всю жизнь...

...В трактир ввалилась целая ватага мореходов из славного города Амальфи, и сразу сталолюдно. Смекалистый трактирщик тут же выпустил в зал юродивого – якобы бобы продавать. Полуголый «божий человек», лохматый и грязный, с жидкой бородёнкой и младенческим взглядом, расхаживал между столов, горбятя спину, изображая то обезьяну, то лошадь, то змею. Он искусно блял и кукарекал, а на его тощей, вовек не мытой шее болталась на веревочке икона – увесистая доска с закопчённым ликом, раз за разом гулко шлепая несчастного безумца по впалой груди.

Бобы юродивый, по большей части, поедает сам или раздаривает, но едоков и выпивох он потешал изрядно – что и требовалось. Не потому ли посетителей – и зрителей – всё прибывало?

Заглянула на огонек не проспавшаяся педана – дешёвая проститутка, из тех, что пристаёт к мужчинам на улице. Спустился объездчик лошадей, он был одет как крестьянин – в хитон из грубого полотна, заправленный в домотканые штаны. Сверху короткий плащ, перекинутый через плечо, на ногах поношенные сапоги, перевязанные ремешками крестнакрест. Крадучись по привычке, заявила пара воришек, стала шептаться с трактирщиком, торгуясь за отрез шелка, который стяжала на рынке у зазевавшегося купца. А потом «Золотую шпору» посетили двое варангов,¹² старый и молодой. Оба были в кожаных штанах, в сапогах сафьяновых, расшитых мелким речным жемчугом, в длинных кольчугах, перетянутых наборными поясами, и при мечях. Варанги здорово походили друг на друга – и статью, и разворотом плеч, и лицами – широкими, скуластыми, твёрдыми, словно резанными из крепкого дерева.

¹⁰ Старигард – столица Вендланда, государства вендов-венедов в Южной Прибалтике. Ныне – Ольденбург.

¹¹ Ярл – титул у русской знати, тождественный графскому.

¹² Варанги – так ромеи называли варягов.

Старого Олег сразу признал – это был Инегельд. Светлый князь десятый год подряд приводил свою дружину на службу к базилевсу, и ему не отказывали, ценили за силу и верность.

Князь повертел кудлатой головой, обнаружил Сухова и тут же осклабился в радости узнавания. Небрежно расталкивая посетителей, он направился к патрикию. Кое-кому из амальфитанцев-мореходов не понравилось его неуважительное поведение, один усач даже за ножом потянулся, но молодой варяг так на него посмотрел, что тот мигом присмирел, вроде как усох даже.

– Здорово, Олег! – прогудел Боевой Клык. Сухов молча ухмыльнулся и крепко пожал протянутую руку.

– Могу поспорить на литру золота,¹³ – сказал он весело, – что парню за твоей спиной ты приходишься отцом!

– И выиграешь спор! – расхохотался Клык. – Знакомься – Тудор.

Молодой варяг с достоинством поклонился.

– А это – Олег, сын Романа, – обратился к нему князь, – патрикий. По-нашему – ярл.

Тудор уже по-иному глянул на Сухова – с прирастающим почтением.

– Чегой-то тебя давно видно не было, – молвил Инегельд с укоризной. – Я к Елене-то твоей заглядывал пару раз, а она мне – нету, мол!

– Приказ базилевса, – усмехнулся Олег. – С царём болгарским толковали.

– Ну, тогда понятно, – прогудел князь и лукаво прищурился: – Слыхал, тебя поздравить можно? Никак этериархом заделался?

– Никак нет, – улыбнулся Сухов. – В этериархи меня не пускают – есть кому шепнуть на ушко базилевсу про моё гнилое варварское нутро. Вот, дескать, поставим мы этого варанга надо всю этерию, и куда та этерия мечи да секиры нацелит?

– Вот хорьки вонючие, – нахмурился Боевой Клык. – Мы ж клятву даём! Как же слово порушить можно, честь свою замарать?

– Они ж по себе судят, князь, – усмехнулся Олег. – Когда у самих ни ума, ни чести, ни совести, разве станешь искать это в ближних и дальних? Нет, конечно. Так что пока я аколитом поставлен, командовать буду одними наёмниками, то бишь вами.

Этерия – личная гвардия императора – была как бы триединой и складывалась из этерии великой, в коей служили сплошь македонцы, из этерии малой, куда набирали хазар да арабов-христиан, и этерии средней, самой славной, укомплектованной по найму – варягами или норманнами. Вот с нею-то и управлялся аколит.

– Угощайтесь, – сказал Олег и окликнул кабатчика: – Любезный! Чарки моим друзьям.

Хозяин трактира сам обслужил варягов – знал, как своевольны бывают русы.

Разлив вино, Клык коротко сказал:

– Ну, будем.

Выпив и утерши усы, он крикнул:

– Доброе винцо. Уж чего-чего, а в этом ромеи способны. – Навалившись на стол, князь спросил, утишая голос: – Пошто звал?

– Дело есть, – посерьезнел Олег. – Это самое... Узнал я через своих людей, что кой-кому не по нутру нынешний базилевс. Задумали они Романа прикончить, а Константина поставить на его место...

– И разжиться золотишком, – понятиливо кивнул Клык. – За услугу-то.

– Именно. Мои подсуетились, вызнали всё, что смогли. Короче. Это самое... Сегодня в Палатии, в Срединном саду, заговорщики наметили свою первую встречу. Придет Феофан

¹³ Литра золота – 72 номисмы (330 грамм).

Тихиот, Павел Сурсувул, Димитрий Калутеркан и Рендакий Элладик. Самый важный из них – Павел. Он единственный знает, кто стоит во главе заговора. Мне это тоже неизвестно...

– Вызнаем, – обронил Инегельд. – Получается, что они как бы и незнакомы?

– Кстати, да. До сего дня они держались врозь. Все сношения велись тайно – заговорщики записки друг другу писали и прятали в особых местах. Каждый решал свою часть задачи – кто войско прощупывал, кто деньги изыскивал, кто сторонников привлекал. А теперь они соберутся вместе.

– Стало быть, скоро выступят, – сделал вывод князь.

– И я того же мнения. Их надо брать всех разом, живьем, вязать и к базилевсу тащить.

Ему – убережение, нам – почёт. Ну и за наградой дело не станет...

Тудор поёрзал в нетерпении, поглядывая на отца, а тот огладил бороду, соображая.

– Всех гридней мне не собрать... – протянул Клык задумчиво.

– А всех и не надо. Достаточно будет «чёртовой дюжины», половины даже.

– Это можно! – расплылся в улыбке Клык и вздохнул: – Турберн, правда, занемог, стар больно. Я его в Тматорокане¹⁴ оставил – пушай косточки греет и добро наше стережёт.

– А отчего в Тматорокане? – удивился Олег.

– А я там нынче обретаюсь. Как Хельг Ведун отнял град сей у хазар, так я в нём и поселился. А што? Тепло! Рыбы – море, хлеб родится – зёрнышко к зёрнышку. Не-е, хорошая земля! Там сейчас Карл Вилобородый обретаётся, да болгарин этот, из ультинов, Курт Дулат. Курт и савира нашего сманил, Илитвера Отчаянного. Помнишь, как мы под Киевом пересеклись? Во-от... И Веремуд Высокий там, и Рулав Счастливый, и Гуда Змеинный Глаз... Когда я уезжал оттоль, а было это по осени, в гавани уже четыре больших лодьи стояли! Да! Знамо дело, сосен таких, как на севере, на здешних югах не сыщешь, зато здесь бук растёт. Такой вышины вымахает порой, что глядишь – и шапка валится! Я вот тоже, вернусь когда, лодью новую себе выстругаю!

– Поддерживаю, – улыбнулся Сухов и тут же построжел, словно вспомнив о звании аколита: – В общем, так. Соберёшь наших тихонько возле Фароса – это маяк, я тебе показывал. Помнишь? – Князь кивнул. – Вот. Оттуда недалеко до Срединного сада.

– Когда сходимся? – деловито спросил Боевой Клык.

– Ближе к полудню.

– По рукам!

Оставив друзей – голодные варанги трапезничать желали, – Сухов покинул трактир.

Нездоровый туманец от зловонных испарений успел растаять, нищие тоже потихоньку разбрелись, кутаясь в свое рваньё. А умиравший остался – лежал близ чадной жаровни и остывал. Отмучился. Олег перекрестился и пошёл домой.

¹⁴ Тматорокан – город на Таманском полуострове, на месте эллинской колонии Гермонассы. Ромеи прозывали его Таматархой, печенеги – Таматарке. Есть основания полагать, что Олег Вещий (Халег Ведун) разграбил его приблизительно в 921 году, превратив в свой форпост на юге. Впрочем, весьма вероятно, что Тматорокан (летописная Тьмутаракань) вошел в состав так называемой Черноморской Руси еще в IX веке.

Глава 2, из которой становится ясно, отчего судьба порой закладывает крутые виражи

Дом Елены Мелиссины стоял в регеоне¹⁵ Арториан, напротив церкви Святого Сампсона. Это был типично римский особняк, спрятанный за кипарисами старого парка. Парк огорожен был высокими коваными решётками, а от ворот к дому тянулась аллея. Она уходила в недалёкую перспективу – к колоннаде парадного входа.

Пожилой, но всё ещё крепкий Игнатий Фока, верный слуга и давний спутник Елены, шаркал метёлкой по каменным плитам аллеи. Завидя Сухова, он заулыбался и поклонился патрикию. Сам Игнатий, хоть и носил звучную фамилию, но громких титулов не нахватал.

– Встала Алёна? – спросил Олег мимоходом.

– Только с заутрени вернулась. Отдохнуть изволит. Поднявшись по истертым ступеням лестницы, кою стерегли два каменных льва, патрикий отворил дверь, часто обитую бронзовыми полосами, и вошёл в «прихожку» – просторный вестибюль с полукругом колонн из белоснежного мрамора, с расписными потолками и стенами, покрытыми фресками.

Этот особняк стал Олегу родным домом – здесь жила его любимая женщина, его жена, его Алёнка. Поначалу Сухов всё переживал, его угнетало положение незнатного и бедного воина при богатой зоста-патрикии – он сам себе казался жиголо. Но постепенно различия между супругами сгладились, а ныне Олег сравнялся с Еленой в ранге. Да и золотишка в сундуке скопилось изрядно...

Сбросив сагий, Сухов быстро разулся и босиком прошлёпал по нагретому полу – старина Игнатий с утречка растопил подвальную печь. Горячий воздух гулял по глиняным трубам-лежакам, грея мозаичный пол, и поднимался по трубам-стоякам, наполняя теплом бель-этаж.

Потирая руки, Олег подошёл к окну, разделённому тонкой колонкой. Свинцовые рамы, заделанные кругляшами мутного зеленоватого стекла, были плотно заперты. Сухов подумал, что понятие «посмотреть в окно» тут непригодно – не видно ни черта. Ну хоть не дует, и то хлеб...

– Ага, ты дома! – слышался весёлый голос.

Патрикий поднял голову и улыбнулся – на верхней галерее, куда вела мраморная лестница, показалась Елена. Женщина вышла в одном месофоре – нижней тунике из тончайшего льна, и все прелести её великолепного тела были явлены глазам Олеговым, жадным и ненасытным.

Олег не однажды пытался описать свою возлюбленную и всякий раз бросал это дело, отчаявшись сыскать нужные слова.

Длинные ноги. Лебединая шея. Царственные плечи. Высокая грудь. Осиная талия. Крутые бёдра. Вот и всё описание! Слова-кубики, которые хоть так складывай, хоть эдак, всё равно выходит одно и то же – затёртый стандарт. Пошловатое клише.

Каким пером нужно владеть, дабы передать касание Алёнкиных волос, этой иссиня-чёрной гривы, что тяжёлым потоком ниспадает на плечи?

Когда он смотрит в огромные глаза Елены, в жгучие чёрные очи, у него кружится голова, он чувствует, что падает в тёмную бездну, – и где ему найти для этого глаголы и прилагательные? Он бегло говорит на латыни и по-эллински, но и эта древняя, полуугасшая речь не подсказывала ответов.

¹⁵ Регеон – район Константинополя.

Киклотомерион – круглобёдрая, анедомаста – дерзкогрудая, карбонопис – углеокая... Звучит красиво, но даже язык Гомера не способен был облечь в слова красоту женщины, которой он не устал любоваться, которую не устал любить.

...Напевая что-то, Елена ступала на цыпочках, кончиками пальцев касаясь перил. Она преувеличенно покачивала бёдрами, прогибала спину и расправляла плечи, отчего тонкая ткань облепляла прекрасную грудь или западала меж ровных ног.

Олег взлетел по лестнице и схватил женщину, облапил ее, вскинул на руки и понёс в спальню...

...Двадцать минут спустя они лежали рядом, опустошённые и довольные. Унимая бурное дыхание, Сухов привлёк к себе Алёну, покорную, особенно мягкую и ласковую. Она положила свою голову ему на плечо, а он гладил её бедро, сводя ладонь в западину талии и снова возвращаясь на чудесную выпуклость. Женщина всё теснее прижималась к нему, нежась и подлащиваясь, и Олега вдруг резануло жалостью – он догадался, зачем Елена ходила в церковь. Наверное, снова, в который раз, молила Бога о ниспослании благодати, о счастье, по сравнению с которым богатство – прах, а родовитость – звук пустой.

Алёна никак не могла забеременеть и всё каялась, всё корила себя и печалилась, убежденная в том, что бездетность – это наказание Божье за грехи её.

Мучением было видеть заплаканные глаза любимой. Олег успокаивал Алёну, убеждал по-всякому, что, если уж и возлагать вину, то на него. На что жена кротко улыбалась и отвечала, что ни разу в жизни не усомнилась в мужской силе варвара, коего полюбила...

– Не переживай, слышишь? – прошептал Сухов.

– Я не переживаю... – тонким голосом ответила Елена.

Она томно перевернулась на спину и потянулась, то ли в самом деле переставая горевать, то ли притворяясь успокоенной. Олегова пятерня, словно сама по себе, погладила плоский животик, надела на лобок и вернулась к тугой груди, стала обминать её пальцами, теревать сосок, нежно касаясь тёплой и шелковистой кожи. Женские ресницы затрепетали, веки опустились, а припухшие губки дрогнули в улыбке. «„Снежок в розе...“ – подумал Сухов. – Чьи это слова? Не мои...»

– Иногда я думаю, – доверчиво проговорила Мелиссина, – что нарочно соблазняя моего милого варанга, лишь бы зачать... А потом, когда отдаюсь тебе, понимаю, что просто хотела стать твоей, ибо я женщина...

– Ты слишком много думаешь, – сказал Олег назидательно, – и почти всегда – неправильно. Ты постоянно обижаешь Елену Мелиссину, а она очень хорошая... и очень хорошенькая.

– Я больше не буду...

– Алёнка ты, моя Алёнка...

– Алёнушка, – поправила его Мелиссина. – Алёночка.

– Любимая...

– Любименькая!

К Мелиссине вернулась обычная живость. Она села на постели и перекинула на грудь копну своих волос. Перебирая пряди, Елена сказала:

– Я сегодня видела Пончика, он проходил мимо с этим пачанакитом¹⁶... с Котянном, и просил тебе передать, что они обязательно явятся к Фаросу.¹⁷

В Олеге что-то сжалось внутри – он совершенно забыл о заговорщиках.

– Я в них и не сомневался, – бодро сказал Сухов.

¹⁶ Пачанакит – печенег.

¹⁷ Фарос – городской маяк, расположенный на территории Палатия. Служил не столько для мореходства, сколько для приёма сообщений, переданных по световому телеграфу, изобретенному Львом Математиком.

– Ты опять что-то от меня скрываешь? – Соболиные брови Елены сердито нахмурились.

– Пустяки, – успокоил ее Олег. – Так, небольшая услуга базилевсу...

Женщина изящно прогнулась, скрючила пальцы, будто кошка, выпускающая коготки, и хищно потянулась к Сухову. Патрикий порывисто обнял её, опрокинул на кровать. Алёна взвизгнула – и тут же забросила ему руки за шею, царапаясь легонько и раздвигая ноги.

– Солнышко моё лучистое... Я опять тебя хочу... Представляешь?... – сорвалось с сухих губ.

– Представляю, – ответил варвар.

Задолго до означенного времени Олег покинул родовое гнездо Мелиссинов, одетый по последней моде – в штаны из дорогой шерсти, в тонкий шёлковый хитон и голубой скарамангий, затянутый златотканым кушаком. Ноги были обуты в мягкие кампагии¹⁸ с загнутыми носками, а плечи Сухов укрыв чёрным сагием, расшитым золотыми грифонами.

Лицо его выражало скуку, а от всей фигуры исходила опасная сила и лёгкая надменность – они словно гнали по толпе прохожих волну почтения и робости. Олег уже привык к этой незримой ауре, отдаляющей людей и берегущей его от малых зол.

Обычного спафиона он с собой не взял, прихватил варварский скрамасакс, полуж-полумеч длиной в локоть.¹⁹

По давней привычке патрикий не думал о предстоящем деле, дабы не перегружать голову и душу опасениями. Проходя под древними арками, минуя роскошные особняки, Сухов просто смотрел по сторонам – подмигивал хорошеньким девушкам, кутавшимся в накидки-мафории и оттого походившими на мадонн, смиренно опускал взгляд перед важными священниками, холодно глядел в нагловатые глаза заезжих венецианцев, развязных и громкоголосых.

Весь этот район, заселенный богатеями и знатью, народ прозывал Константинианой. Вероятно, потому, что тянулся он к западу до старой городской стены, сложенной Константином Великим. Да тут повсюду, куда ни глянь, глаз наткался на посвящения равноапостольному императору-солнцепоклоннику. Вот и улица достигла крайнего перекрёстка, вливаясь в форум Константина – просторную круглую площадь, мощённую мраморными плитами.

Прямо посередине форума высилась гигантская колонна из порфира, окаймлённая бронзовыми венками. На пятьдесят локтей поднимал сей столп позолоченное изваяние императора, представленного в виде солнечного божества Аполлона. Дабы освятить языческий образ, в статую влили гвоздь от Креста Господня, а в основание колонны замуровали и топирище от секиры Ноя, и кресало Моисея, и огрызки хлебов Иисусовых, и «Палладиум» – деревянную статуэтку Афины Паллады, которую ещё Эней стяжал в Илионе, а римляне считали залогом своей непобедимости. Видать, зодчие-столпотворители действовали по принципу «кашу маслом не испортишь».

Столп со статуей обрамляла двухэтажная колоннада с парой монументальных арок из белоснежного мрамора, к которой притулилась часовня Святого Константина. По левую руку от Олега на площадь выступало здание Сената с портиком из четырёх великих колонн, перед коим возвышались громадные статуи Афины и Тетис. Напротив Сената, с южного края форума, громоздился помпезный Нимфей – с куполом на гранёных столбиках, с маленькими бассейнами по окружности, с плещущими фонтанами и вечно мокрыми статуями, с искусно сложенными гrotто, из которых водопадами сбегали ручейки.

¹⁸ Скарамангий – верхняя одежда наподобие лёгкого кафтана, длинного, значительно ниже колен, довольно узкого. Кампагии – высокие башмаки.

¹⁹ Локоть – мера длины, 0,52 см.

Олег усмехнулся, наблюдая весь этот блеск напоказ: с утра пораньше он побывал с изнанки «Города-Царя» и видел совершенно иное – чудовищную нищету и разруху в головах, грязь, мерзость, низость... Раззолоченная парча прикрывала гниющие язвы.

«Не грузись!» – посоветовал себе Сухов, пересекая форум.

Обычно народ толпился под сенью арок у «Колонны Гвоздя» или прохлаждался возле Нимфея, стремясь попадать в облако сеющейся водяной пыли, но это будет позже, а пока что горожане избегали тени, греясь на весеннем солнышке. Народ бродил толпами, многожды пересекаясь и гомоня на всех языках Ойкумены, топя пешком или качаясь в носилках, ведя в поводу ослика с поклажей или сгибая собственную спину под тяжестью ноши. Смуглые арабы и светлокожие русы, бурно жестикулирующие италийцы и смирные иудеи, хитроумные армяне и простодушные норманны, болгары в факиолах, похожих на тюрбаны, и мадьяры с гладко остриженными головами, украшенными тремя косами, – ото всех народов, ближних и дальних, сбrelись сюда ходоки.

Олег свернул налево, шагая по Месе – главному проспекту Города. Широкая – в сорок шагов – и помпезная, с тротуарами под тенью Царских портиков, Меса словно раздвигала холмы города, выстраивая по ранжиру богатые дома и храмы и выводя путников к главной площади Августеон. По левую руку от державной улицы тянулись гигантские аркады водопровода Валента. Акведук устремлялся туда же, куда и Месса, – к Палатию, к этому средоточию власти и величия, к пупу великолепной Imperium Christianum.

– Олег! – неожиданно окликнули патрикия.

Сухов узнал голос и улыбнулся заранее, оборачиваясь к подбегавшему грузной трусой Шурику Пончеву, румяному и упитанному другу, товарищу и брату. Протоспафарий Александр щеголял в желтых башмаках и красно-зеленых одеждах, положенных ему по рангу, и побрякивал на бегу золотой нагрудной цепью.

– Пр-р-ры-вет, сиятельный! – пропыхтел он. Так «рыкать» и «ыкать» мог только Понч, это была его устная «визитка».

– Здорово, светлейший. Что-то ты, дружок, растолстел.

– Да ничего подобного! – возмутился Пончик.

– Ладно, ладно! Отъелся на ромейских харчах – не видно, что ли?

Как бы ниоткуда возник бек²⁰ Котян, смуглый печенег с чеканным лицом, на которое так и просилась боевая раскраска, с непроницаемыми обсидиановыми глазами и длинными прямыми волосами, отливавшими синевой. Одет он был в скарамангий цвета персика и чёрную хламиду, скреплённую на плече здоровенной золотой запоной, но куда больше, подумал Олег, ему бы подошла куртка из оленьей кожи с бахромой по швам и шаровары кочевника.

– Свидетельствовать! – ухмыльнулся Котян, поднимая руку. – Третья складка на пузе появилась – сам видал в термах.

Пончик уныло пощупал пухлый бок и вздохнул:

– Всё, сажусь на диету... Угу...

– Лучше сажат на коня! – уверенно посоветовал печенег.

С недавних пор Котян, знавший лошадей, был пристроен Олегом конюшим к юному патриарху Феофилакту, а уж тот просто обожал скакунов. В патриарших конюшнях содержали две тысячи отборнейших коней, и Феофилакт, младший сын Романа I Лакапина, из своих рук кормил их ячменём, изюмом и сухофруктами. Бывало, что горе-патриарх в попытках завершал литургию и бежал к стойлу любимой кобылы, собравшейся рожать... Зато у базилевса имелся свой церковный иерарх, ручной и послушный императорской воле. И почему бы Сухову не порадовать за своего человечка?..

²⁰ Бек – вождь у кочевых народов степи. Имел статус, сравнимый с титулом ярла.

– Слушай, друг степей, – прищурился Олег, – мы тут уж тринадцать зим и лет паримся. Хочешь, чтобы я поверил, будто ты до сих пор не растерял свой варварский акцент?

Печенег осклабился.

– Надо же понимать! – сказал он с гортанным печенежским призывом. – Его Святейшество испытывает тихое торжество, имея в услужении свирепого кочевника, он трепещет от сладкого ужаса. Зачем же мне его разочаровывать? Или признаваться, что я в пятый раз перечитываю Плутарха? Что знаю наизусть из Григория Назианзина? Пусть уж лучше трепещет...

– «Кто я? Отколе пришёл? Куда направляюсь? Не знаю...» – продекламировал Шурик с выражением.

– «И не найти никого, кто бы наставил меня», – дочитал печенег.

– Миллиард тыщ раз читал, – признался Пончик, – а всё равно... Угу...

– Опять книжные развалы посещали? – понативно улынулся Сухов.

– А зачем ты нас к Фаросу звал? – перевел разговор на другую тему протоспафарий.

– Да так, – пожал плечами Олег, – заговор надо бы раскрыть.

– Ух ты! – сказал Пончик испуганно. – Против базилевса?!

– Тише, ты! А против кого ж ещё...

Печенег лишь осклабился в доvole – в его сердце любовь к эллинским премудростям уживалась со страстью к баталиям.

– Пошевеливайся, светлейший!

Все трое прибавили шаг. За пышным форумом Августеон вставала высокая стена, ограждающая Большой императорский дворец. Она была сложена из кирпича и прослоена полосами светлого мрамора. На площадь выступали Медные ворота с огромным образом Христа, а за ними открывался полукруглый двор, окружённый массивной, но на удивление ажурной бронзовой решёткой.

Дворцовые стражники, повинувшись жесту патрикия, отперли створку врат и пропустили всю компанию, склоняя головы в привет, из-за чего пышные султаны на их шлемах качнулись опахалами.

– Время у нас ещё есть, – сказал Олег, вытягивая руку с солярием – карманным циферблатом древней работы – и сверяясь с дневным светилом. – Но лучше обождать, чем опоздать! Вперёд.

Полукружие двора сходилась к парадному вестибюлю Халке – огромной ротонде под куполом, тускло отливавшим золотой черепицей. Посреди зала выделялась рота – плита из порфира, с которой, бывало, базилевс обращался к народу. От роты кругами расходился узор на полу, выложенный из желтого и фиолетового мрамора.

Торопливо минуя Халку, троика вышла за внутренние бронзовые ворота, попадая в портик Схолариев и сворачивая к Буколеону, к южной оконечности гигантского собрания дворцов. Неподалёку располагался тронный Золотой зал, но Сухова куда больше впечатлял вид на зелёный склон холма, сбегавший к древним крепостным стенам у самого берега, и блистающий простор Мраморного моря. Было не жарко, и горизонт не затенялся дымкой марева – синяя даль чётко разделялась на ясную лазурь неба и чистую синеву моря. Дворцовую гавань покидал чёрный дромон,²¹ попутный ветер надувал его красные паруса, но и гребцы не знали отдыха – два ряда весел мерно поднимались из воды, рассыпая сверкающую капель, и снова погружались в прозрачные волны.

²¹ Дромон – основной боевой корабль ромейского флота. Имел две мачты с латинскими парусами и двойной ряд весел. Экипаж составлял 200–220 человек – 50 человек на нижнем ярусе, по одному гребцу на весло, и 100 человек на верхнем – по два гребца на весло. Плюс 50–70 воинов-эпибатов.

Сухов с удовольствием вобрал полную грудь свежего воздуха и медленно, с отяжечкой, выдохнул, будто исторгая из себя пыль императорских покоев, вонь каминов и чад смоляных факелов.

Всякий человек покидал Палатий потрясённым здешней роскошью и бездумным, безумным расточительством. Вот они только что миновали огромный серебряный крест в Портке Схолариев, прогулялись мимо громадной вазы из яшмы, а напротив, в императорской бане, своды были отделаны листами чистого золота. Совершенно мещанский разгул! Да и не является Палатий дворцом – это самый настоящий город с десятком роскошных храмов, с галереями, тюрьмами, казармами, со множеством палат, каждая из которых годится в резиденции любому королю. «С жиру бесятся базилевцы!» – выразился однажды Пончик, и разве он был неправ?

Олег выбрался к церкви Богородицы Фаросской, где хранились терновый венец, туника и посох Христа, и оказался у трёхъярусной башни маяка, перекрытой куполом в виде пирамиды. Подойдя ближе к стенам его, на коих резчики по мрамору изобразили орлов, крылатых собак и баранов, Сухов углядел Инегельда и сразу успокоился.

Светлый князь был совершенно безмятежен и с виду беспечен. В шлеме с наносником, с огромным мечом на перевязи, Инегельд производил устрашающее впечатление, хотя даже бровей не хмурил – стоял себе да жмурился на солнышке. Это была смертоносная машина для причинения потерь живой силе противника, машина, хоть и поизносившаяся, но далеко не исчерпавшая свой ресурс. Заметив подходившего патрикия, Боевой Клык оживился.

– Здорово, аколит! – пробасил он. – Ну што? Двигаем?

– Двигаем, – твердо ответил Олег. – Где твои?

Клык приглушенно свистнул. Тут же из-за низких дверей маяка, от церкви, из кипарисовой роицы, что росла на склоне, вышло человек шесть варягов. Они сходились, узнавали Сухова – и суровые лица воинов принимали добродушное выражение. Олег увидел Ивора Пожирателя Смерти, все такого же сухопарого, и Малютку Свена, все такого же огромного, возмужавшего Фудри Москвича, поседевшего Стегги Метателя Колец, заматеревшего Хурту Славинского и Воиста Коварного, утомившегося в борьбе с растущими залысинами, а посему обрившего голову до блеска.

– Здорово, Полутроль! – прогудел Малютка Свен, вспоминая давнее прозвище Олега, и протянул лопатообразную пятерню.

– Здоров, малыш!

Свен, похотывая, пожал руку патрикия.

Варяги подходили и сердечно шлёпали ладонями об Олегову ладонь – побратимы радовались встрече, не тая зависти и не желая зла, как местная придворная сволочь, и у Сухова на душе потеплело.

Коротко введя братию в курс дела, Олег направил стопы к Месокипию – Срединному саду.

Обойдя Новую церковь, варяги зашагали по дорожке-просеке Месокипия. В Срединном саду веками собирали растения со всех сторон света, здесь местные туи и смоковницы соседствовали с северными дубами и южным бамбуком, рядышком росли пышные розы и густая арча, благородный олеандр перемежался с благоуханной пицундской сосной. Сад был изрядно запущен, деревья разрослись так, что порой сплетали кроны над аллеей, а кустарники и вовсе оккупировали дорожки, вставая поперёк живыми изгородями.

– Хорошее они место сыскали, ничего не скажешь, – пропыхтел Пончик. – Хрен продерешься. Угу...

– Кстати, да, – обронил Олег.

– На то и расчёт, – сказал Котян.

– Ивор и ты, Свен, – распорядился Инегельд, – остаётесь здесь. Кто будет подходить – пропускайте, кто обратно двинет – хватайте и мордой в землю.

– Сделаем, – кивнул Пожиратель Смерти и поманил за собой Свена.

Расставив варягов, Инегельд с Олегом поднялись на второй этаж маленькой часовенки, возле которой и должны были встретиться заговорщики. Котян с Пончиком взобрались за ними следом.

– Давненько я в засаде не сиживал... – пробормотал Пончик. – Угу...

– Чего ты всё угукаешь? – поинтересовался Котян.

– Угукаю? – удивился протоспафарий.

– Да постоянно! «Угу» да «угу»...

– Разве?... Знаешь, не замечал. Угу...

Сухов побродил по этажу, как кот, обнюхался, встал у сводчатого окошка, больше похожего на бойницу. Тихо в саду, даже мухи не жужжат.

Князь закричал, усаживаясь на пустой, разошедшийся сундук, крест-накрест обитый позеленевшими медными полосками, и пристроил поудобнее меч.

– Что кряхтишь, как дед? – улыбнулся Олег.

– Годы тяжелят, – вздохнул Боевой Клык, – жмут к земле, как десять доспехов. Раньше-то я сигал так, что – о-го-го! А теперь – о-хо-хо... Черёд подходит всю тяготу на Тудора перевалить, пушай он теперь скачет, моё время вышло.

– Ну, не так быстро, коназ, – воспротивился Котян, – силы в тебе ещё хватат.

– Ну-к, што ж... – хмыкнул Клык и встрепенулся, расслышав далёкое пение птицы. В Месокипии такие не гнездились – это Ивор знак подавал.

– Ти-хо! – скомандовал Олег.

Долго ему ждать не пришлось, вскоре захрустел гравий, зашуршали листья, треснул под неловкой ногою сучок... К часовне вышли двое – казначей Феофан Тихиот и Рендакий Элладик, начальник императорской канцелярии. Им было явно не по себе, лица заговорщиков страдали нездоровой бледностью, а движения отличались суетливостью. Оба были костлявы, но пышные синие скарамангии с пурпурными нашивками скрывали худобу.

– Разве это власть? – брюзжал Феофан, видимо продолжая начатый разговор. – Разве это величие? Палатий должен представлять улеем, где всякой пчеле дана работа, но ныне здесь роятся трутни, не знающие усердия! Пустословие заменяет деятельность, где нет места ни знаниям, ни воспитанности, ни чести и прямоте, где обезьяны прикидываются львами, где царят угодничество и лесть!

Олег подумал по неизжитой воинской привычке: чего это они ведут подрывную деятельность, даже не заглянув в часовню? Мало ли – вдруг засада? Повернув голову, онглянул на князя – тот тоже задира брови от удивления. Ответ дал Котян, изобразив на пальцах квакающую лягушку – презрительное обозначение болтуна, не способного от слов перейти к делу.

– Ваша правда, светлейший, – вздыхал Рендакий, задирая бороду, завитую колечками. – Сам попечитель дворца не умеет ни читать, ни писать, а от патриарха вечно несёт навозом!

– Это что, – хмыкнул Тихиот. – Видел бы ты, светлейший, как этот мальчишка резвится на пирушках с шутами да мимами. Мыслимое ли дело – патриарху якшаться с людишками такого пошиба?!

Оба сокрушенно качали головами. И тут неслышными шагами приблизился Павел Сурсувул, мелкий придворный чин, однако большой проныра. Павел вёл за руку шатавшегося от переживаний Димитрия Калутеркана, главного писца. Строгое лицо проныры было гневно.

– Что за страхи, в самом деле? – спросил он, сдерживаясь. – Своим испугом, сиятельный, вы можете сгубить наше общее дело!

– Вам хорошо говорить, – лепетал Калутеркан, – а мы можем потерять всё!

– Это я утрачу всё! – с силой сказал Сурсувул. – И жизнь – тоже! Вы же все вышли из благородных семейств, и самое большее, что вам грозит, так это ссылка! Но даже этого страшиться... С какой стати? Вся работа проделана в полнейшей тайне, никто о ней ни слухом ни духом!

– Ладно, почтеннейший, – неожиданно твёрдо прервал его Тихиот, – оставим беспокойства и обратимся к делу. Припомним, что дарует нам победа, соберёмся с силами и приступим!

Трижды перекрестившись, Калутеркан сказал:

– Одна тревога гложет меня по-прежнему. Вы, почтеннейший, обещали свести нас с человеком, который всё это затеял, всю эту... э-э... перестановку, но мы до сих пор не видели его лица и не слышали его имени! А вдруг это ловушка?

Сурсувул энергично покивал.

– Понимаю, – проговорил он, – всё понимаю, но и вы должны понять – это лишь первая наша встреча. Вы рискуете, и я рискую, но тот человек, коим я послан, рискует больше всех! А от него зависит успех нашего нелегкого предприятия. Поэтому давайте договоримся: забудем о пятом, который первый, и быстро порешаем дела. Итак, светлейший, – обратился он к Тихиоту, – можем ли мы надеяться, что золото найдёт путь в нужные кошельки?

– Безусловно, почтеннейший, – кивнул Феофан величественно. – Деньги приготовлены.

– Отлично! А как у вас, сиятельный?

– Я выяснил у нужных людей всё, что требуется, – уверил его Димитрий. – За нами пойдут многие, а недовольных базилевсом ещё больше.

Не дожидаясь, пока его спросят, Рендакий Элладик сам подал голос:

– Гвардия не вмешается. Кувикуларии – те, что ночуют рядом со спальней базилевса, согласны помочь...

– Ты разговаривал с ними? – подался вперёд Сурсувул.

– Нет, нет, как можно! Только со спальничим, да и то мы были разделены шторой.²²

– Что ж, очень даже неплохо... – протянул Павел.

– Плохо! – решительно оспорил Феофан. – Кувикуларии – евнухи! Много ли они навоят? Эх, нанять бы варангов... Вот кто бы с лёгкостью разрубил все узелки!

Элладик криво усмехнулся:

– Воины-ромеи подобны глиняным горшкам, – высказал он свое мнение, – а варанги – железным котлам.

Светлому князю понравилось это сравнение – он гордо улыбнулся и посмотрел на Олега. Тот кивнул.

Легко встав, Инегельд скрадом двинулся вниз, тихо ступая по крутым ступенькам. Внизу Сухов опередил Клыка и спокойно вышел из часовни.

– Приветствую вас, достопочтенные, – поздоровался он.

Заговорщики оцепенели. Лица их покрыла смертельная бледность, а Калутеркан, тот даже малость позеленел.

В следующую секунду Тихиот и Элладик метнулись в заросли – и забились в руках варягов. Малютка Свен скрутил Феофана, а Воист сграбастал Рендакия. Димитрий сомлел самостоятельно и опустился на траву кулем. Только Павел Сурсувул остался стоять, сжимая кулаки и гордо задирая подбородок.

Не обращая внимания на схваченных, стонавших жалобно и просивших о милости, Сухов приблизился к Сурсувулу.

²² В помещениях того времени перегородками между комнатами часто служили тяжелые занавеси.

– Как зовут вашего главаря? – спросил он ледяным тоном. – Отвечай!

Хрупкая стойкость Павла дала осадку – Сурсувул дрогнул, глаза его забегали.

Олег улыбнулся как можно более зловеще.

– Князь, – попросил он, – будь другом, вырежи у этого со спины пару-другую ремешков. А то уж больно молчалив.

– Может, лучше с груди? – предложил Клык, поигрывая громадным ножом. – Надрезать да потянуть... А? Болтать начнёт – не остановишь!

– Пожалуй, – согласился Сухов.

– Вы не посмеете! – слабо воскликнул Павел. – Я – спафарий!

– А я – князь! – внушительно заявил Инегельд и шагнул к Сурсувулу.

– Стойте! – выдохнул тот, вытягивая руки в жесте убережения, и застонал, хватаясь за голову. – О, Господи... Я скажу, как зовут нашего глав... нашего главного. Он – синклитик, его приглашают на silentii, а зовут...

В следующую секунду Павел Сурсувул вздрогнул и страшно заклекотал, кровь выступила на его губах и стекла струйками на подбородок. Рухнув на колени, он упал в траву. Из спины у него торчал кинжал, вонзившийся по рукоятку.

– Схватить! – гаркнул Олег в бешенстве, но Ивор с Малюткой уже мчались за убийцей. – Проклятие!

– С этими-то что делать? – поинтересовался князь, не утративший хорошего настроения.

– Связать мерзавцев. Ч-чёрт...

Вскоре вернулись Ивор и Свен, доложили, что неведомый метатель ножей оказался весьма юрким – прошмыгнул в царские палаты, а охранники не пустили варангов на порог.

– Встречал я его, – спокойно заметил Ивор. – Маленький, щупленький – соплей перешибёшь, но злой. Сам он из венецианцев, а зовут то ли Пауло Лучио, то ли Лучио Пауло.

– Сыщи мне этого мелкого! – резко сказал Сухов. – Душу выйму из мерзавца!

– По всей видимости, – подал голос молчавший до этого Пончик, – главарь решил подстраховаться. Угу...

– ... И замёл все следы, – кивнул Олег.

– Не все. Нам известно, что он – синклитик и участвует в silentiis.²³

– Ну и что? Я тоже вхожу в синклит и на silentii попадаю. Знаешь, сколько там таких штаны протирает? Десятки!

– Всё равно... Не миллиард же тыщ! Круг подозреваемых сузился. Угу...

– Ладно, – сухо сказал Сухов. – Потащили хоть этих.

Слово было подобрано верно – если Тихиот и Элладик ещё брели своим ходом, подбадриваемые тычками, то мёртвого Сурсувула и полуживого Калутеркана пришлось тащить на себе.

Базилевса со свитой долго искать не пришлось – Роман Лакапин шествовал по галерее Сорока мучеников, направляясь в триклиний Девятнадцати экскувитов. Приближалась пора дипнона, второй трапезы дня, то бишь обеда.

Огромная толпа сопровождала императора – впереди шествовали знаменосцы-драконари, вздымая странные штандарты, в самом деле походившие на тряпичных драконов. Шагали silentiarii с поднятыми жезлами из палисандрового дерева, увенчанные серебряными шарами, устанавливая тишину. Важно ступали стражники-схоларии в золоченых панцирях, с пышными перьями на шлемах и с монограммами «ИНРИ» на серебряных щитах.

²³ Синклит – совещательный орган при базилевсе. Синклитик – член синклита, им мог стать любой с титулом не ниже протоспафария. Заседания синклита проводились либо в формате конвента, в котором принимали участие все синклитики, либо в формате silentii, на который приглашались лишь сановники «ближнего круга».

Сгибаясь в полупоклоне, семенила свита и целая толпа царедворцев – на их сытенных лицах было написано жадное внимание собачек, следящих за хозяином в надежде поймать брошенное угощение. Священники вовсю махали кадильницами, окуривая самодержца и присных, – облако благовонного дыма висело сизой пеленой, и сверканье драгоценных одежд размывалось за нею, сливаясь в подвижную, пёструю массу подобострастия. Тонкие голоски евнухов выводили: «Се грядет владыко».

И вот внезапно в торжественном шествии, озвученном шарканьем и шорохом, случилась заминка – придворные во всё большем количестве замечали подходивших варангов. Смолкло пение, но возвысились голоса порицания, ропот прошёл по толпе.

Грузный препозит Дамиан – церемониймейстер двора – в белом одеянии и с посохом, вышел из-за колонн галереи и спросил грозным низким голосом:

– Как смеют варанги нарушать покой государя?

Олег Сухов шагнул вперёд. Отстранив обомлевшего препозита, он приблизился к встревоженному базилевсу. Схоларии одним множественным движением потянули мечи из ножен – словно зашипела сотня змей.

Патрикий низко поклонился Роману Лакапину и произнёс:

– Пусть твоя божественность рассудит. Я – патрикий Олегарий, верный слуга автократора ромеев и Господа нашего. Мне удалось раскрыть подлый заговор против твоего величества и схватить виновных, за что надо благодарить верных варангов, о благочестивый.

Надо отдать должное Роману I – император быстро справился с собой, унял целую гамму противоречивых чувств и нахмурил брови.

– Правда ли это, патрикий? – властно спросил он.

– Истинная правда, несравненный. Виновные признались во всём, – Олег наметил скудную улыбку: – Варанги умеют развязывать языки.

Толпа придворных зашумела, силенциарии всполошились и забежали, потрясая жезлами, а тут и Тихиот задёргался, невероятным усилием вырвался из крепких рук варягов, пал на колени и быстро-быстро пополз, пластаясь по земле.

– Смилуйся, государь! – взвыл он. – Именем Христа милосердного! Умоляю! Яви милость к слуге твоему, о божественный!

А вот и Калутеркан повалился, пополз, подвывая и колышась тучным телом.

– Смилуйся! – трубил он. – Бес попутал нас, соблазн то был диавольский! Смилуйся, благочестивый! Во имя сладчайшей Приснодевы Марии!..

Заговорщики доползли едва ли не до кампагий базилевса, и лишь острия обнаженных мечей схолариев задержали униженное пресмыкание.

Роман I Лакапин молчал, и это молчание подействовало на свиту пуще любых силенциариев – тишина установилась мёртвая.

– Благодарим тебя, благороднейший патрикий, – церемонно молвил базилевс, и тут же десятки завистливых глаз уставились на Олега. – Покушавшихся на нашу царственность отправить во Влахернскую тюрьму. Дознаться и оповестить.

Повелев, император развернулся и зашагал прежним путём, неторопливо шествуя в триклиний. Схоларии построились первыми, тронулись знаменосцы. Зазвякали цепочки кадильниц, нестройные голоса затянули прерванный гимн, звуча громче, дабы осилить горестный вой пойманных и уличённых. Происшествие было исчерпано.

Двумя днями позднее преступников отстегали плетью и выставили на всеобщее поругание. Тихиоту, Элладику и Калутеркану остригли бороды и волосы, сбрили брови, удалили даже ресницы, после чего обрядили в рубахи без рукавов, навешали на шеи отвратительные «ожерелья» из овечьих кишок и стали возить по всему городу, усадив на быков лицами

к изгаженным хвостам. А впереди шутовского «парада» вышагивал жезлоносец, выпевая глумливые песенки, весело понося цареубийц-неудачников.

Множество народу собирал этот «триумф наоборот» – люди поднимали рёв и свист, они оплёвывали ренегатов и забрасывали их огрызками и помётом.

Но базилевс был милостив к падшим – он даже не приказал ослепить их. Всё добро, нажитое Тахиотом, Элладиком, Калутерканом и Сурсувулом, было изъято в казну, а оставшихся в живых заговорщиков сослали на остров Проконнес, где с давних времён в каменоломнях добывали ослепительно-белый мрамор...

Глава 3, в которой Олегу жалуют титул магистра

Пропели третьи петухи в предместьях, отошла заутреня в константинопольских церк-вах. Тёмное небо на востоке, за Босфором, начинало сереть в потугах восхода.

Шёл пятый час утра, когда Священные Палаты стали пробуждаться – одна за другой отпирались двери, а вестиарии-облачателю понесли императорские одежды к опочивальне божественного.

Олег Сухов терпеть не мог вставать рано по утрам, да и зачем каждый божий день толкаться во дворце? Взыскуя благ от щедрот базилевса? Лучше выспаться, право слово, да сослужить службу истинную, от которой и самодержцу польза, и тебе добрая слава.

Но сегодня не поваляешься, мрачно думал Олег, шагая к Палатию. Сегодня у него хиротония – благодарный император жалует верному Олгарии титул магистра. Что и говорить, приятно.

Во всей империи магистров насчитывалась ровно дюжина, каждому полагались двадцать четыре фунта золота в год, два новых платья из царских ризниц плюс подарки к великим праздникам.

Но не корысти ради стремились ромеи к заветному титулу. Великий почёт и уважение – вот что давал магистерский сан. Это была та предельная высота, на которую только и мог подняться смертный, если, конечно, он не лелеял мечты занять трон.

Хмурясь и радуясь, Олег прошествовал в Палатий. Его путь лежал ко дворцу Дафны, где располагались опочивальни венценосного семейства.

Дворцу из желтого мрамора было лет шестьсот, он издревле обосновался у восточных трибун Ипподрома, напротив императорской ложи, а правым крылом примыкал к Слоновым воротам дворцовых стен.

Четверо варягов сторожили вход. Бородатые, насупленные, они стояли между колонн, опираясь на секиры, однако их угрюмые физиономии мигом прояснились, стоило им увидеть своего аколита. Сухов улыбнулся варангам, проходя во дворец.

В центральном зале белела статуя нимфы Дафны, изображенная в момент обращения в лавр. Заметно было, что церемония подъема шла вовсю – слуги гасили лампы, накрывая светильни медными колпачками на длинных хлыстах. Туда-сюда носились озабоченные вестиарии в белых хламидах, мелькнуло брыластое лицо препозита Дамиана.

Олег скромно отошёл к толпе придворных, топтавшихся у тяжелой завесы из золотой парчи, вышитой чёрными орлами в зелёных кругах, в шахматном порядке чередовавшихся с красными крестами. Тут стояли высшие сановники империи, но Сухов не обращал на них внимания. Ему хотелось смотреть на одну Елену Мелиссину – зоста-патрикия, во всём блеске её красоты, словно выступала предводительницей целого выводка тощих магистрисс, худосочных патрикисс и прочих протоспафарисс, испуганно жавшихся в сторонке. Елена пленительно улыбалась – одному Олегу, и он послал ответную улыбку.

– Началось!.. – послышался благоговейный шепоток.

Из императорских покоев донёсся высокий голосок евнуха-спальничего:

– Вестиарии!

Рокошующий бас препозита тут же повторил, куда более звучно:

– Вестиарии!

Облачателю, заранее преклоняя головы, чередой проследовали к опочивальне, на вытянутых руках пронося серебряный скарамангий и голубой дивитиссий, усыпанный золотыми

розами. Главный вестиарий Феофан тащил тяжеленную хламиду, расшитую массой жемчуга и драгоценностей.

– Приступим! – провозгласил спальничий.

– Вестиарии, – пробасил Дамиан, – приступите!

От усердного стояния старенькому анфипату Евлогию стало нехорошо, и он боком присел на мягкую, обитую красным шёлком скамью. А Олег подумал, что базилевс вовсе не владыка в этом дворце, он самый настоящий невольник, порабощённый запутанными церемониями. Вся жизнь Его Величества предписана этикетом, всякий порыв души должен гаситься, ежели не совпадает с ритуалом. Император выглядит пастухом при стаде послушных овец, но на самом-то деле стадо пасёт августейшего...

Долго ли, коротко ли шло облачение, но вот вестиарии, наконец, одели государя, вот уж завязаны золотые поручи и возложен лор – узкая полоса дорогой ткани, изображающая смертные пелены.

Служители отпахнули тяжеловесную штору с орлами и крестами, и базилевс явил себя – в богатейшей хламиде, с обручем-стеммой на голове, Роман Лакапин вышел мелкой поступью, держа в руке горящую свечу. Густой голос препозита сказал медленно и тяжело:

– Повелите!

В ответ император благословил свечой придворных. Лицо его при этом сохраняло неподвижность мраморного рельефа.

– Препозит! – величественно измолвил базилевс, едва размыкая губы.

Дамиан приблизился, поклонился государю до земли, прихватывая полу царственной хламиды и лобзая её.

– Подведи к нам патрикия Олегария!

Препозит дёрнулся было исполнять высочайшее повеление, но Олег сам шагнул к базилевсу, опустился на колени и припал к его пурпуровым кампаниям, на которых жемчужинками были вышиты крестики.

Император накрыл голову Сухова увесистой полой хламиды. Олег задержал дыхание – ноздри щекотал пыльный запах парчи, насквозь прокуренной фимиамом. «Как бы не чихнуть, – мелькнуло у него, – опозорюсь на всю империю...»

Пухлая рука благочестивого возлегла на голову Олегову, и базилевс проговорил:

– Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! Властью, данной нам от Бога, посвящает тебя наша царственность в магистры. Встань, магистр Олегарий! Аксиос!²⁴

– Аксиос! – вразнобой повторили присутствующие.

– Аксиос! – пошло гулять эхо по древним палатам.

Магистр Олегарий отошёл, не разгибая головы, а все прочие, наоборот, ринулись гурьбой, спеша пристроиться к базилевсу, – начиналась ежеутренняя церемония малого выхода.

– Божественный и единственный, – проблеял анфипат Евлогий, – вечность в жизни и славе!

Загремели мощные аккорды водяных органов. Воины выстраивались рядами вдоль царственного хода, церемониарии с позолоченными жезлами спешно сгоняли поближе магистров, патрикиев, спафариев и тех лиц гражданской наружности, кому выпала великая честь лицезреть благочестивого этим утром.

Елена Мелиссина обняла Олега со спины.

– Я так рада, любименький! – опалил его ухо шёпот. – Переодевайся!

Скинув привычный скарамангий, Сухов надел тот, что подобал магистру, – белоснежный, с пурпурными ромбами, нашитыми на груди. Елена накинула сверху украшенную перевязь на оба плеча и затянула у мужа на талии пояс из красной кожи с золотой пряжкой.

²⁴ «Аксиос!» – ритуальный возглас при рукоположении, означающий: «Достоин!»

– Мой магистр! – сказала она с гордостью. – Солнышко моё!..
– Лучистое? – поинтересовался Олег, сияя.
– А как же!
А со двора донеслось пение – гремел хорал:

Многая лета!
Многая лета тебе,
Автократор ромеев,
Служитель Господа!

А день всё дарил и дарил неожиданностями. После скромной семейной трапезы (омар с маслицем, щупальца молодого осьминога, жаренные с лучком, сладкое александрийское винцо и спелая дынька на десерт) Олег сперва засел в кабинете, что разместился в левом крыле, в концентрическом кругу колоннады из фригийского мрамора, розового с прожилками. Захотелось магистру и аколиту освежить в памяти недавно откопанные тексты Аристарха Самосского и Эвдокса Книдского, тысячу лет тому назад доказавших, что Земля круглая, а потом магистр и аколит прилёг отдохнуть (вдвоём с Алёной).

Отдых вышел очень активным, бурным даже – шёпот любви и крики страсти долго полнили опочивальню, а пухлые амурчики с расписного потолка нахально подглядывали, изображая детскую невинность.

...Остывая, Сухов лежал поперёк кровати, уложив голову на тугой животик Мелисины, и слушал её рассуждения о сущности души человеческой, изредка вставляя ехидные замечания, за что и получал – Елена больно щипалась.

Расслабленные и удовлетворенные, они покинули спальню в самый подходящий момент – Игнатий как раз приглашал в дом молоденького кандидата с редкой, будто кем-то выщипанной, бородёнкой. Кандидат, запелёнутый в синюю хламиду, неловко топтался в вестибуле, прижимая к тощей груди свернутый пергамент с красной восковой печатью. Заметив чету, спускавшуюся по ступеням, он с восторгом оглядел Мелисину и отвесил поклон Сухову.

– Его Величество шлёт тебе привет, сиятельный, – пропел кандидат, – и призывает во дворец.

Договорив, он снова поклонился, протягивая грамоту.

– Благодарю тебя, почтеннейший, – ответил Олег, из любезности обращаясь к кандидату, как к спафарию, и принял подношение. Кандидат порозовел от удовольствия, украдкой взглядывая на зоста-патрикию. Елена сладко улыбалась.

Сухов сломал восковую печать с выдавленным изображением павлина и развернул пергамен. Округлый и витиеватый почерк писаря разобрать было легко – в изысканных выражениях магистра и аколита Олега пригласили на силентий. Само приглашение было писано обычной чёрной тушью-сепией из дубовых орешков с добавлением золотой пыли, а внизу стояла корявая, зато исполненная пурпуром роспись базилевса. Олег только головой покачал – после русской вольницы очень трудно было привыкнуть к ромейским порядкам, к сложной и запутанной иерархии, где на каждой ступеньке свои поблажки. Писать пурпурными чернилами позволено было одному императору, его дети имели право писать синими, а сам Олег – зелеными. Заслужил.

– Всенепременно буду, – сказал он чопорно и склонил голову.

Бросив прощальный взгляд на Мелисину, кандидат удалился.

– Всё мальчиков пленяешь? – проворчал Сухов, с трудом поджимая губы, готовые поползти в улыбку.

– Ревнуешь? – промурлыкала Елена.

– Было бы к кому! – фыркнул Олег. Женщина рассмеялась, а Сухов подумал: а ведь правда, не ревную!

Обычно, когда они с Пончиком заводили разговор о мужской ревности, немедленно вспоминали Вильяма нашего Шекспира и сотворенного им Отелло – как этот brutalный мавр, лицо негритянской национальности, придушил бедняжку Дездемону. Блондинка пищит: «Не виноватая я!» – а мавр делает свое дело... Но разве виноват Отелло, что был простодушен и доверчив? Наслушался мавр сплетен от коварного Яго, разгневался – и совершил убийство.

Безусловно, ревность – это один из мотивов, побуждающих человека преступить заповедь «Не убий!», но что это значит – ревновать? Тут можно вспомнить диалог Дианы и Теодоро, созданных изысканной фантазией Лопе нашего де Веги. Там великолепная Диана вздыхает томно, утверждая, что «ревность в ней зажгла любовь и страсть», на что Теодоро даёт отрицательный ответ, заявляя, что «родится ревность от любви». От любви ли?

Дабы не запутаться в морально-этических тенетах, они с Пончиком, испробовав вина на славу, разбирали ситуацию на примерах. И вот самый явный случай, давно ставший расхожей темой для анекдотов даже в десятом столетии: приезжает купец-навикулярий из дальнего странствия, является домой – и застаёт жену в объятиях любовника. Пикантная ситуация, не правда ли?

Что тут станешь делать? Если вы джентльмен, то подождёте губы и ледяным тоном потребуете объяснений от женщины, а мужчине велите убраться прочь. Ну а если вы иначе понимаете смысл понятия «сохранить лицо», то заколотите себя кулаками в грудь и броситесь на соперника, требуя сатисфакции путем мордобоя (и жене достанется между делом). Но это всё деяния, а вот что вы при этом почувствуете? Какие ощущения испытаете?

Оскорбление, унижение, смертельную обиду, ярость. Но в этом списке нет ревности – просто обманутый мужчина очень болезненно переживает измену. Уже то, само по себе, что женщина предпочла ему другого, выводит представителя сильного пола из себя. Как?! Она – и с ним?! А, значит, я хуже?! И понеслось...

Абсолютное большинство мужчин совершенно не выносят даже сравнений себя с иными особями мужеска полу. То есть, когда женщина вздыхает: «А вот Евстафий своей шубку купил...» – мужчина страшно раздражается – ведь сравнение не в его пользу. Для него это как измена на словах. А уж на деле...

Если хорошо покопаться, то обнаружится, что в подоплёке слов и дел ревнивца лежит примитивный комплекс неполноценности. Такой мужчина не уверен в себе, не ощущает себя настоящим и стопроцентным. Всё это он тщательно скрывает, но в момент ревности отрицательный потенциал его эмоций зашкаливает – и любопытные соседи наблюдают сцену из семейной жизни.

Так что же такое ревность? «Просту говоря, – решил для себя Олег, – это чувство собственника, ощущающего собственную слабость». В таком живет страх потерять свою женщину, но не потому, что он её любит. Более всего, пожалуй, ревнивец опасается насмешек окружающих: «Как там твои рожки? Развесистые небось?»

Благородный порыв типа: «Так дай вам Бог любимым быть другим!» – ему несвойствен. Ревнивцу больно даже представить себе, что его женщину будет обнимать кто-то иной, ведь она принадлежит ему!

Именно поэтому данный тип делается подозрительным, недоверчивым, его преследуют навязчивые мысли об адюльтере. А где сейчас его жена? В геникее?²⁵ А в геникее ли? И что с того, что в геникее?

Можно подумать, она и туда не впустит ухажера! И так далее, и тому подобное.

²⁵ Геникей – помещение для женщин в ромейском доме.

Ревнивец постоянно настроен на негатив, всегда только на худшее, поэтому и сам внутренне готов разрядить накопленный отрицательный заряд – и причинить женщине зло.

А уж тот, кто пошел по стопам Отелло и готов убить свою подругу, – не просто собственник, а собственник осатаневший, то есть потерявший всякий человеческий облик, оборотень.

Убить из-за любви нельзя.

Любить женщину – это значит желать ей счастья, добиваться для неё блага, проявлять нежность и заботу. При чем же здесь ярость и садизм?

Если вы сильный человек и любите свою женщину, то не станете её ревновать ни к кому – ведь вы великодушны, вы уверены в себе и испытываете доверие к избраннице, к тому же вы снисходительны.

И даже если она изменит вам – а согрешить может любой и любая! – вы не станете учинять безобразных сцен, а повернётесь и покинете ту, которую любили. И только. Почему, догадываетесь? Правильно! Потому что вы – джентльмен, и вам присуще чувство собственного достоинства.

Вы будете мрачны и печальны, но страдать от любви не стыдно даже настоящему мужчине, лишь бы не напоказ.

А весь секрет в том, что джентльмен – это не тот, кто умеет по-светски улыбаться и знает слова почтения, а тот, кто относится к женщине как к леди. Если вы таковы, то это лучший залог того, что в вас не угнездится ревность – вы просто никогда не опуститесь до этого низкого площадного чувства.

Вот и всё.

«Какой я, оказывается, благородный», – усмехнулся про себя Сухов и стал собираться. Даже к ужину опаздывать неучтиво, не явиться же вовремя на синклит – просто верх глупости. Кое-кто может сделать оргвыводы и принять меры... Право, лучше обождать, чем опоздать!

Миновав Халку, магистр и аколит Олегарий зашагал Портиком Схолариев. Собственно, это была прямая дорожка, вымощенная мраморными плитами, а с двух сторон ее как раз и прикрывали портики – крытые галереи из парных колоннад. Дорожка привела Сухова к трёхпролетной двери, имитирующей триумфальную арку. За её створками, облицованными пластинами слоновой кости с резными барельефами, находился Консistorион – зал для заседаний синклита.

Лет пятьсот тому назад пол зала выложили наборным рисунком из дорогих мраморов, но пришли иные времена – и композицию на тему резвящихся нимф стыдливо прикрыли роскошными персидскими коврами. Стены до половины тоже покрывал мрамор, а выше начинались мозаики, захватывавшие весь потолок. Пущей важности ради, зал обрамляли аркады, промежутки между колонн коих были задрапированы тяжелыми зелёными занавесами, резко контрастирующими с алым шёлком золочёных скамей, выстроившихся вдоль стен. А в глубине Консistorиона расположился мраморный престол. Три ступени вели к трону – куриальному римскому креслу. По бокам от него стояли две статуи крылатой Ники – богини, дарующей победу. Ники держали над троном венки с христианской монограммой, а весь престол находился под золотым шатром, удерживаемым четырьмя витыми колоннами.

Трон пока пустовал, а вот синклитики были в сборе – человек сорок, вряд ли больше. Вельможи важно расхаживали поодиночке или парами, степенно обсуждая государственные дела, делясь сплетнями, интригуя помаленьку.

На вошедшего Олега никто не обратил внимания – все ждали прибытия императора. Роман Лакапин не заставил себя ждать – плавно раскрылась средняя, самая большая дверь, и препозит Дамиан, весь в красном с золотом, торжественно объявил:

– Его Величество базилевс, автократор ромейский!

Всё в той же парадной хламиде, задубевшей от множества драгоценностей – поставь её в угол, не упадёт, не сложится даже! – император прошествовал к престолу и занял своё место. Неподалеку примостился Мосиле, личный оруженосец государя, человек простоватой наружности и великой силы.

Поднявшись с колен, синклитики расселись по скамьям. Олег отступил и примостился на мягком сиденье, набитом шерстью. Рядом опустился протомагистр²⁶ Мануил Атталиат. Это был крупный мужчина с породистым лицом и умными, зоркими глазами медового цвета, каким отличаются львы или орлы. Его крепко сбитое тело было налито здоровьем и хранило память о дружбе с атлетикой, хотя годы и слабости человеческие брали своё – и животик появился у протомагистра, и волосы поредели – кудрявый венчик окружал блестящую плешь. Атталиат наклонился к Олегу и сказал дружелюбно:

– Ну и как оно – чувствовать себя наверху?

– Уж больно высоко, сиятельный, – пошутил Сухов.

– Что да, то да, – кивнул протомагистр, – падать отсюда больно.

Олег внимательно посмотрел на него, однако Мануил не отвел взгляда.

– Есть способ удержаться, – хладнокровно заметил Олег.

– Какой же? – заинтересованно спросил Атталиат.

– Ухватиться покрепче.

Протомагистр тихонько рассмеялся, трясая складками на чреве. Но тут препозит Дамиан ударил об пол посохом, и базилевс, до этого будто оцепеневший, ожил.

– День жаден к событиям, – разнёсся его голос по Консистоариону. – Нам угодно выслушать мнения наших слуг и помощников.

Уловив жест императора, поднялся Феодорит Орфанотроф, высочайшим повелением назначенный председателем синклита.

– Божественный повелевает нам рассудить: как унять смуту в землях Лонгивардии?²⁷ – огласил повестку дня Феодорит. – Мириться ли единственно премудрейшему с апулийскими мятежниками, возмущающими спокойствие? Или готовиться к войне?

Обратив своё полное, будто опухшее лицо к базилевсу, председатель уловил легчайший кивок Романа Лакапина и простёр руку к скамьям напротив.

– Пусть сиятельный Катакил, – провозгласил он, – ознакомит нас с сутью дела.

Поднялся сухонький Василий Катакил и повёл свой рассказ.

– В то самое бедственное лето, – начал он дребезжащим голосом, – когда свирепые воины великого князя Халега из страны Рос осадили Константинополь, князь Беневента и Капуи Ландульф I поддержал апулийских лангобардов, восставших против власти божественного государя. Пять лет спустя князь сплотил силы с Гвемаром II, князем Салернским. Совместно эти варварские князьки атаковали владения ромеев: Ландульф напал на Апулию, а Гвемар – на Кампанию. Тогда Ландульфа постигла неудача – не смог князь осилить доблести православных воинов! Однако пять лет тому назад к этим двоим присоединился Теобальд, герцог Сполетский. Но Господь снова услышал наши молитвы, и ромеи разгромили варваров! В то же лето герцог Сполетский примирился с нами, а ныне и Гвемар Салернский сложил оружие. Однако князь Ландульф никак не унимается, множит и множит беды, держит в страхе мирных сеятелей и виноградарей, а наши священники терпят поношения от него и грабёж!

Катакил отдышался, выдерживая паузу, и продолжил:

²⁶ Протомагистр – главный магистр.

²⁷ Аонгивардия, или Ломбардия, – византийские владения в Южной Италии, захватывающие «каблук» знаменитого италийского «сапога», то есть Апулию, а также земли в Кампании. Столицей Лонгивардии был Неаполь, в то время – полунезависимое герцогство.

– Нельзя попускать варвару оскорбление царственности ромейской! Князь Ландульф должен быть наказан, а войско его разгромлено.

Резко поклонившись базилевсу, он сел. Олег Сухов слушал его невнимательно, магистр занимала иная задача – он пытался вычислить того самого синклитика, который возглавлял заговор против базилевса, «пятого, который первый». Того, чьё имя Сурсувул не успел произнести, – нож оборвал признание. Так кто же был тем неизвестным, который всё и затеял? Кому служил пронырливый Павел? Чью тайну унёс в могилу, поруганный и обесчещенный? Этот кто-то был здесь, в Консистоционе, сидел вместе со всеми и решал судьбы империи. Неизвестный. Затаившийся. Копивший яд и готовящийся уязвить. Кто? Да кто угодно! Сосед Олега справа, сосед слева. Вон тот, сидящий напротив, длинный как жердь, или другой, располневший до безобразия. Как распознаешь тайного врага? У него же на лбу не написано: «Заговорщик!»

Тут поднялся сам Иоанн Куркуас, полководец, славный победами над арабами, – он взял приступом или осадой почти тысячу крепостей и продвинул границы империи до Евфрата и Тигра.

Смуглый от природы и ещё более загоревший на солнце, Куркуас согнулся в поклоне базилевсу и заговорил вкрадчиво:

– Наказать варваров – долг и честь христолюбивого воинства ромейского, однако разумно ли проливать кровь на западе? Я побивал сарацин на востоке, поскольку нельзя договориться с теми, кто не верует во Христа... Однако лангобарды – подданные величайшего, и они крещены. Воюет тот, кто не может купить мир! Мы же богаты и способны добыть покой и благоволение во целовецех не кровью, но золотом...

– Что предлагает сиятельный? – с места спросил розовощекий патрикий Кузьма, умелый дипломат и ловкий интриган.

– Забудем о князьях и вспомним о короле Италии, – сказал Куркуас. – После изгнания короля Родольфо II в Павии²⁸ короновали Гуго Арльского. Гуго правит твёрдо и жестоко, король завёл целый гарем, назначает на светские и духовные должности недостойных любимцев или своих незаконнорожденных детей, а недавно он женился на безнравственной римлянке Марозии, сенатриссе и патрикиссе, дочери сенатора Теофилакта, возводившей в папы римские своих любовников. Иными словами, Гуго Арльский – обычный франк.

После этих слов по залу пробежали смешки, даже сам базилевс изволил улыбнуться.

– Для того чтобы король Гуго стал врагом наших врагов, – продолжил Куркуас, – надо купить его дружбу. Золотые номисмы обеспечат привязанность италийского короля к христианской империи. Я закончил, достопочтеннейшие.

Едва он сел, как нервно подсигивающий Катакил тут же вскочил.

– Соглашаюсь с сиятельным, но настаиваю на прежнем! – выпалил он. – Да, мы должны подкупить короля Гуго, но и князь Ландульф должен понести наказание! Мятежникам нужно дать почувствовать нашу силу, нашу твёрдость! Предлагаю послать ко двору князя Беневентского патрикия Кузьму Хониата, а в Италию отправить флот. Патрикий станет добиваться мира лестью и посулами, а флот – оружием ромейским! – Обратившись к базилевсу, синклитик заговорил с придыханием и чуть ли не с умилением: – Престол твой, о единственный непобедимый, утверждён искони. Ты – от века! Нечестивые узрят это, заскрежешут зубами – и истают. Желание нечестивых погибнет! Сами противящиеся власти губят себя, ибо нет власти не от Бога!

Присутствующие зашумели, зашептались, клонясь голова к голове. Базилевс внимательно оглядел собравшихся, а после сделал знак председателю. Тот сразу поднял патри-

²⁸ Итальянское королевство занимало Север Италии, а столица его находилась в Павии.

кия Иоанна Радина, друнгария флота. Это был пожилой человек, битый жизнью, грубоватой внешности и неловких манер.

– Сколько кораблей в нашем флоте? – задал вопрос император.

Друнгарий смешно поклонился, словно споткнулся на ровном месте, и поспешно ответил:

– Всего около сотни дромонов, хеландий, памфил и кумварий.

– Около? – приподнял Роман I бровь, выражая неодобрение.

– Число подвержено переменам, святейший. Одни корабли выходят из доков после починки и оснастки, другие заходят...

– Понятно, любезнейший, – удовлетворился базилевс. – Сколько кораблей можно выделить для итальянской экспедиции, не создавая брешей в обороне?

– Семь или даже восемь дромонов, величайший, – тут же ответил Радин, – десять—двенадцать огнепальных хеландий и полтора десятка памфил. Это почти четыре тысячи воинов, божественный.

– Хватит ли этого числа, дабы уstraшили лангобарды?

– Хватит, несравненный.

Несравненный кивнул и сказал:

– Наша царственность желает, чтобы ты вёл корабли, Радин.

Друнгарий не смог скрыть довольной улыбки – давненько его не жаловали высочайшим доверием!

– А на любезнейшего Феоклита Дуку, – продолжил император, – мы возлагаем управление войском и назначаем domestikом схол Запада.

– Дозволено ли будет молвить, божественный? – спросил, привставая, магистр Феоклит Дука.

Базилевс милостиво кивнул ему. Вдохновившись, Дука сказал:

– Среди нас находится сиятельный Олегарий, магистр и аколит. Его варанги многожды доказали свою преданность, они бесподобные воины и лучшие в мире мореходы, ведь не боятся же росы выходить в поход на своих моносилах-однодеревках! Вот и пусть бы присоединились к нашему флоту, пусть бы выказали доблесть на войне с лангобардами!

Олег слушал – и холодная ярость терзала его душу. Феоклит был ему давним неприятелем, никогда не упускавшим случая нагадить. Вот и теперь, мешая похвалу с оскорблением, Дука готовил очередную пакость.

А базилевсу предложение понравилось. Роман Лакапин взглянул на Сухова и сказал:

– Что нам ответит благороднейший аколит?

Олег встал и поклонился:

– Вначале, если позволишь, величайший, я отвечу Феоклиту. – Получив разрешение, он повернулся к Дуке, задетому небрежным отношением «этого варанга». – Сиятельный верно назвал росов лучшими в мире мореходами, но вот в кораблестроении он понимает прискорбно мало. Корабль варангов потому именуется моносилом, что его киль сработан из одного ствола дерева, – это придаёт ему прочность, в отличие от дромонов или хеландий, кили которых сплавиваются из двух-трех обрубков. Ко всему прочему, варанги владеют искусством гнуть шпангоуты из распаренного дерева, а не сколачивать их гвоздями из отдельных частей, как то делают здешние судостроители, подзабывшие навыки римлян. Вот и выходит это самое, что скедии, снеки, лодьи и кнорры, спущенные на воду в стране Рос, гораздо крепче, надежнее и вдвое быстрееходней, чем самый лучший дромон!

По Консистиориону прошёл ропот недовольства, синклитики поглядели на Олега так, словно уличали его в богохульстве, а вот базилевс отнесся к аколиту с лёгким добродушием.

– Тогда собери в поход, Олегарий, триста – четыреста варангов, – велел он, – и пусть они двинутся вместе с нашим флотом, но на своих кораблях!

– Я в точности исполню волю божественного, – поклонился Сухов.

– О величайший! – вскричал Феоклит, картинно выпрастывая руку. – Не посраим ли мы стягов империи, подняв их над утлыми моноксилами?! Мы уже наблюдали эти челноки под стенами града!

Базилевс азартно поерзал на троне и вопросительно посмотрел на Олега. Сухов презрительно улыбнулся.

– Пусть божественный простит неучтивость Дуки, – холодно проговорил он. – Сиятельный оказался даже более невежественным, чем я предполагал. Да будет ведомо тебе, Феоклит, что те корабли, которые ты видел под стенами града, назывались скедиями, а не челноками. Да, они не поражают размерами, но почему? Да потому, что самый близкий путь к здешним берегам из страны Рос проходит по реке Непру, известной своими порогами. И самый страшный из них – Айфор. Достигая его, варангам приходится выкатывать скедии на сушу и волочить их долгих шесть вёрст, пока не спустят на чистую воду. Мыслимо ли переместить по берегу большой корабль, вроде лодьи или дромона? Разумеется, нет! Но пусть не беспокоится Феоклит Дука – варанги придут на лодьях, и ромеи не потерпят позора.

– А велики ли лодьи варангов? – полюбопытствовал император. – Локтей тридцать будет в них?

– Боевые лодьи варангов, величайший, – по-прежнему холодно отчеканил Олег, – простираются в длину на восемьдесят, на девяносто локтей.

Синклитики зароптали так, что председатель заметался по залу, пытаясь восстановить тишину.

– Ты хочешь сказать, благороднейший аколит, – с интересом спросил базилевс, – что лодия больше дромона и даже триремы?

– Кстати, да, божественный.

Роман Лакапин оживился и встал с трона. Тут же вскочили и синклитики.

– Флот отправится к берегам Лонгивардии сразу после Пасхи, – распорядился базилевс. – Варанги отправятся вместе со всеми, под началом аколита Олегария. Любезнейшему Феоклиту надлежит занять порты Бариум и Тарант, побивая мятежных лангобардов и воинов князя Ландульфа. Благороднейший Олегарий поведет варангов на штурм городов Амальфи, Неаполя и Гаэты, не признающих верховенства нашей власти.

Отдав приказ, Его Величество покинул Консисто́рион. Когда Сухов распрямил согбенную спину, он наткнулся на ухмылку Феоклита Дуки, исполненную злобного торжества. Впрочем, высокий лоб царедворца уже начинал морщиться под натиском жестоких сомнений: святейший назвал его самого любезнейшим, а вот варвара Олегария – благороднейшим... Не скрыто ли в этом тайное предпочтение?

А Сухов сразу же подумал о другом. «Неужели это он затеял переворот? – промелькнуло у него. – Было бы здорово... Обречь такую паскуду на пытки и казнь – отрада, каких мало!»

Домой он возвращался уже под вечер, но на Месе было по-прежнему людно. Олег шёл и думал, как хорошо быть богатым и знатным. Вот он идёт, и ничто не тревожит его ум, никакие суетные желания и нужды. Прикупить бы чего на ужин? Принести ли воды? А в достатке ли дров? Всё это не касалось его – о том, чтобы ему было тепло и сытно, позаботятся слуги. А их господин может важно и чинно шествовать, освобождая мысли для философии и прочих достойных занятий.

Слежку за собой Сухов обнаружил не сразу и осерчал. Досадным было не само преследование, а то, что он его не сразу приметил.

За ним неотступно, как привязанный, топал венецианец, обряженный по смешной европейской моде, – тощие ноги обтянуты узкими штанами-шоссами и обуты в башмаки с причудливо загнутыми острыми носками, поверх рубахи-камызы болтается жакет-пелиссон

из меха, обшитого тканью снаружи и с изнанки. На поясе висел кошель из чёрного шелка и меч в ножнах, голову прикрывала маленькая чёрная шляпа с длинным красным пером.

Олег сразу вспомнил убийцу Павла Сурсувула, но нет, описание не сходилось – венецианец, которого обещал добыть Ивор, был маленьким и юрким, а этот, неумоимо преследующий Олега, отличался ростом и статью. Интересно, при чем здесь, вообще, Венеция? Хотя... Венецианцы всегда были изворотливы и предприимчивы. Их предки, сбежав от орды готов, поправших Великий Рим, на островки и болота Венецианской лагуны, сразу прикинули, что к чему, и навсегда задержались между сушей и морем. Сухопутные жители спасались за крепостными стенами, постоянно претерпевая осады и штурмы, а Венеция стала неприступной, ибо ни готы, ни гунны, ни лангобарды не знали флота. А вот Восточная Римская империя ведала – и подчинила поселения венецианцев своей воле.

Ко времени Романа Лакапина Венеция обрела почти полную свободу – и ставила во всё большую зависимость самих ромеев. Венецианские купцы прибирали к рукам морскую торговлю империи, становясь незаменимыми посредниками, а по сути – хозяевами положения. Ромейский торговый флот хирел и таял, а венецианцы всё спускали и спускали на воду новые усиеры, галеры, батты и барказы – вскоре сосны на островках вокруг их столицы были сведены полностью, и они переключились на леса Далмации. Вот так ничтожный Давид скрутил колоссального Голиафа...

«Не отвлекайся!» – одернул себя Олег. Случайно ли в заговоре оказались замешаны венецианцы или это простое совпадение, неважно. У него на хвосте висит один такой, вот о нём и надо думать. Чего добивается преследователь, зачем потрясает гульфиком? Ответ на этот вопрос был получен без задержки.

На форуме Константина Сухов свернул к своему дому – и венецианец сразу ускорил шаги, стал догонять магистра. Магистр погладил рукоятку верного спафiona.

Неожиданно из-за арки, стоявшей поперёк улицы, вышли ещё двое в обтягивающих брючках-шоссах, больше всего напоминавших подгузники, причём штанины были разных цветов – у одного жёлто-голубые, у другого – красно-чёрные. Выхватив кривые мечи скимитары, венецианцы бросились на Олега.

Сухов изобразил испуг и развернулся, делая вид, что изготавился бежать. Его рослый и статный преследователь, тоже вооруженный скимитаром, злорадно ухмыльнулся. Расставив руки пошире, присев на полусогнутых ногах, он ловил струсившего ромея – и нарвался на меткий выпад. Олегов меч вонзился снизу вверх, протыкая сердце.

Венецианец даже не захрипел в истекающие секунды жизни – выронив клинок, он привстал на цыпочки, пуча глаза и растягивая рот в неслышном крике. Олег выдернул меч и повернулся кругом к парочке разноцветных. Сойдясь на мечах с «красно-чёрным», более опасным и опытным противником, Сухов стал кружить, уходя от клинка «жёлто-голубого», – тот подпрыгивал, ярился, пытаясь достать магистра и аколита, но его намерению то и дело мешал «красно-чёрный», будто нарочно загораживавший Олега. Итальянец и рад был бы уступить товарищу, да не мог выйти из магического круга, который со звоном и шипением рассекаемого воздуха чертила беспрестанно разящая сталь. Олег Полутролл, гридень Рюрика и Халега Ведуна, владел мечом на уровне, недостижимом для венецианских бретёров.

«Красно-чёрный» прилагал отчаянные усилия для того, чтобы только удержаться скимитар. Скованный величайшим напряжением, он изнемогал, венецианцу казалось, что у противника отросло шесть рук, как у страшненького божка из Индии, и сразу полдюжины мечей пытаются иссечь его. Томящий страх набухал в венецианце, рождая отчаяние, – «красно-чёрный» уразумел, что магистр не бьётся с ним, а забавляется, теша себя жестокой игрой. В какой-то момент произошёл надлом – рука бретёра дрогнула, пропуская удар, и меч-спафion перечеркнул ему горло – вбок словно брызнуло рубиновым вином.

Обратным движением клинка Олег поразил «жёлто-голубого» – тот умер, так и не успев ничего понять.

Сухов медленно выдохнул – и услышал топот. Ещё трое, нет, четверо со скимитарами выбегали из старого парка, над деревьями которого возвышалась одинокая колонна зеленого в крапинку мрамора. С кличем «Святой Марк!» они всем скопом бросились на Олега.

Магистр опустил меч, наклонил голову, готовый встретить новую напасть, как вдруг в тылу у венецианцев заметались две тени – огромная и не очень. С радостью и облегчением Сухов угадал в них Ивора и Малютку Свена.

Венецианцы изумились, рассмотрев на его лице приятную улыбку, а в следующий миг им очень не повезло – одному в спину втесалась любимая секира Малютки, другого наотмашь ударил Пожиратель Смерти, почти снеся голову с плеч. Третий напоролся на спафион Олега, а четвертого подрубил Котян.

– Припоздал я! – выдохнул он с сожалением, добивая поверженного врага.

– Спасибочки, – расплылся в улыбке Олег, – подсобили чуток!

– Не всё ж тебе одному, – ухмыльнулся Свен.

– Да я всё того Пауло Лучио искал, – сказал Ивор, аккуратно обтирая клинок об убитого. – Нашёл-таки, но поздновато, тот помереть успел – его из лука расстреляли.

– Стрел понатыкали... – протянул Малютка Свен. – Как ёжик стал!

– Ясно, – кивнул Сухов и задумался. – Вот что, малышок... Это самое, сгоняй-ка ты за князем. Лады? И веди его ко мне домой. Скоро мы в поход идём, ясно? Лангобардов будем бить. Пойдём на больших лодьях!

– Так а где ж их взять? – подивился Ивор.

– Вот и обсудим, где да как. Пошли. Алёна обещала на ужин седло косули подать с бобами, так что пошевеливайся, Свен, а то не достанется.

– Бегу! – сорвался Малютка с места, перепрыгнул сражённого венецианца и помчал к Месе.

– Пошли, – повторил Олег.

И они пошли.

Глава 4, в которой Олег отправляется в Италию транзитом через Тматорокан

С раннего утра варяги стали готовиться к отплытию – их аколиту, исполнявшему волю государеву, предоставили дромон «Жезл Аарона», здоровенный чёрный корабль с непривычными для росов косыми реями, больше всего смахивавшими на колодезные «журавли». Вместе с Олегом отправлялся князь Инегельд со всею «чёртовой дюжиной» и Пончик. Ну куда ж без лекаря...

На берегу стоял епископ. Держа в руках дикирий и трекирий, он крестообразно осенял дромон. Иподиаконы, крест-накрест повязанные орарями, гнусаво пели стихиры, а ромеи-корабельщики грубыми голосами тянули нестройно: «Господи, помилуй! Господи, помилуй!»

– Отплываем когда, любезнейший? – спросил Сухов у навклира Михаила, командира корабля.

Навклир скосил глаза, пошевелил губами, словно ведя расчеты, и ответил:

– Ближе к полудню, с помощью Пресвятой Девы, мы сможем поднять паруса, сиятельный.

– Ну и славно... Только, это самое, не позже, договорились?

Ровно в полдень Олег поднялся на палубу «Жезла Аарона» и навклир велел отдать концы. Канаты, удерживавшие дромон, соскользнули с гранитных тумб, между бортом и причальной стенкой стала шириться полоса зеленой, мутновато-грязноватой воды Золотого Рога. Прощевай, град Константинов! Еще свидимся...

В Босфоре пришлось хорошенько поработать веслами – сильное течение из Понта Эвксинского не пускало корабль, толкало обратно, но могучие гребцы, взяв в напарники южный ветер, вывели дромон в открытое море.

– Глянь-кось, – дивился Боевой Клык, – скрипит-то как, а не тонет! Почитай, по пятнадцати вёрст парусит. Хорошо поспекает.

– Паруса у них непонятные... – Стегги Метатель Колец подозрительно оглядел красные полотнища, растянутые треугольниками. Ветер дул в корму, и паруса развернули «бабочкой» – рей на передней мачте выгибался по диагонали вправо, а тот, что на задней, – влево. Так дромон забирал больше ветра.

– Зовутся – латинские, – со знанием дела сказал Фудри Московский.

– И на што они такие? – всё удивлялся Клык. – Али холста не хватило, штоб обычные пошить?

– С косыми парусами, князь, – вразумил Инегельда Олег, – можно и против ветра плыть.

– Врёшь поди?

– Точно тебе говорю...

Осиянный солнцем купол Софии стал медленно оседать, словно прячась за облачка. Пропадали из виду башни, церкви, дворцы. Едва движимый гребцами и подгоняемый попутным ветром, дромон миновал Диплоционий и вышел в открытое море. Морщины и складочки на парусах мигом изгладились, корабль побежал шустрее.

На дромонах не стелили сплошной палубы – от носовой до кормовой площадки тянулись три сквозных дощатых прохода – поднятых над гребцами с каждого борта, и по продольной оси. С гребной палубы ощутимо тянуло потом и теплом разгоряченных тел.

Шагая по гулкому настилу вдоль правого борта, Сухов вышел на корму, где двое кормчих удерживали рулевые вёсла. Над кряхтящими кормщиками загибались два «рога» – кормовые завитки-акростоли, – а ещё выше колыхалась пурпурная хоругвь с ликом Богоматери. Над её главой отливал серебром полумесяц со звездой внутри – знак Артемиды, богини-девственницы. Вроде как спасла она во время оно городишко Византий от набега Филиппа, царя македонского, и благодарные жители назвали в честь богини бухту Золотым Рогом. Семьсот лет спустя Артемида-звероловица совместилась в сознании верующих с Богородицей...

Хоругвь была тяжела от злата-серебра, и ветер никак не мог заставить её трепетать и полоскаться.

– Не понять мне вас, христиан, – проворчал Клык, перехватывая взгляд Олегов. – Кабыть, полумесяц со звёздочкой арабы себе малюют, так и вы туда же!

– Бог един, – мягко сказал Сухов. И задумался.

Однажды крестившись, он не часто посещал церковь. Любил справлять Пасху, а остальные праздники бывало, что и пропускал, увиливая от пышных церемоний и торжеств, ибо был убеждён – суть христианства вовсе не в соблюдении ритуалов, не в следовании догматам, а в верности глубинной сути, основному устою, Символу веры. Христос дал новую заповедь: «Возлюби ближнего, как самого себя!» – и это была величайшая идея всех времён и народов. Возлюби ближнего! Не воюй, не причиняй боли и смерти, не приноси горя, не возбуждай ненависти, безразличен не будь, не лги, не трусь, не предавай и не совершай подлости, а возлюби! Возлюби – и рай земной устроится при твоей жизни. Дружи или пылай страстью. Живи по совести, по закону стыда. Поддержи упдающего, подсоби слабому, пойми ближнего и помилосердствуй. Это же так просто! И будет всем счастье.

Так нет же, не приемлют человеки любви, всё кровь проливают, стяжают и пакостят, пакостят, пакостят... Миряне мечом отбивают чужих жен и не своё добро, а попы – крестом, насилая идею Христову, извращая смысл её. Угнетает тебя власть, обирает? А ты возлюби её, ибо вся власть от Бога, а Бог есть любовь! Ты пашешь от зари до зари, потом своим и кровью орошаешь землю, а весь урожай достаётся богатею-землевладельцу? Он жиреет, а жена твоя старится смолоду, и дети от голода пухнут? Так возлюби жиреющего! Возлюби врага, возлюби палача и сиятельного вора, возлюби притеснителя, но только не требуй взаимности, не впадай во грех равенства...

Быть может, светлая заповедь Христова неисполнима вовсе? Но вот же он, Олег, готов жить в мире, где правит Любовь! Он любит свою Алёнку, друзей любит... Врагов, правда, недолгобливает. Живёт сам и даёт умереть другим. Убивает, чтобы не умереть самому, чтобы любить по-прежнему тех, кто достоин исполнения божественной заповеди...

...Византийские берега постепенно опадали, теряя подробности рельефа и заплывая синим цветом, ужимаясь в темную полосу по окоёму, пропадая вовсе за обливными валами. Ай, хорошее море! Русское море.

...Крепко сидел Тматорокан, заняв место на берегу крошечного полуострова, связанного с большой землей песчаными косами, обрамлявшими горькие соленые озера и мелкие заливчики – с суши не взять! Да и с моря не подкрадешься – повсюду мели переходящие, там и сям скалы торчат, а берег высок, крут и обрывист. Недаром предприимчивые эллины один за другим полисы свои здесь выстраивали – Гермонассу, Горгиппию, Фанагорию. Знали толк!

А какая земля вокруг Тматорокана – жирнящий чернозем! И толщины невероятной – закапывайся хоть на два, хоть на три роста, а до худосочной глины не докопаться. И зеленели за стенами тматороканскими виноградники, колосился хлеб, цвели сады. А воды еще богаче были, еще изобильней – воистину море обетованное. Старики по бережку промышляли – не торопясь, набивали полные мешки вкусными мидиями, а дети их рыбу ловили,

да не всякую, а с разбором. Белугу брали, осетром не брезговали, а прочие «дары моря» – к чему им?

Короче говоря, не ищи места лучше Тматорокана, всё равно не найдёшь!

По выходе в Понт Эвксинский дромон повернул на восток, минуя Гераклею и Амастриду, которую ромейские мореходы называли оком Пафлагонии (а варяги грабили, и не раз). У мыса Карамбис корабль взял курс на север, отправившись ночью, чтобы плыть с попутным ветром и дойти с его помощью до середины Понта, где с наступлением дня ветер переменится и домчит до места. Так и случилось.

По левому борту «Жезла Аарона» проплывала Таврия, стекая на восток пологими травянистыми холмами, предвещая степной простор и обрываясь в море слоистыми кручами.

Входной маяк Боспора Киммерийского²⁹ встал по левую руку, и навклир повернул дромон на пол-оборота к северу.

С моря открылся взгляду неширокий пролив, вёрст пятнадцати у входа.

Утреннее солнце висело красным щитом во мгле испарений Сурожского моря.³⁰ Туманец застил дали пролива, но небо гляделось ясно. Солнце набирало жару, забираясь на небеси, и туманная мгла истаяла, преподнося глазу восточный берег – как зеркальное отражение берега западного.

В проливе качались струги и ушкуи, рыбаки с них выбирали неводы. Ценную рыбу швыряли под ноги, лишнюю отпускали в море. Из воды торчали тонкие шесты, опоры ставных неводов. На мелкой волне плясали поплавки из красной осокорековой коры, удерживая переметы для донной ловли.

– Тматорокан видат! – довольно сказал Котян.

– Как же тебя сопливое святейшество отпустило, не понимаю, – проговорил Сухов.

Печенег ухмыльнулся.

– А я ему коней обещал привезти, – сказал он, – тутошних коней, что от роксоланских альпов породу ведут. Патриарх мигом меня собрал, еще и денег дал на дорогу!

– Всё с тобой ясно...

Восточный берег всё задирался слоистой кручей. Понизу обрыва стелился узенький жёлтопесчаный бережок – не шире тропинки. А вот и город показался – травянистые валы поднялись за обрывом, а по валам тем белокаменные стены протянулись, укрепленные башнями круглыми и квадратными, толстыми и могучими даже с виду.

Дромон шёл медленно, сторожко, держась подальше от светлеющих мелей и темневших подводных камней. За городом «Жезл Аарона» повернул к пристани.

У причалов покачивались крутобокие ромейские саландеры, нагружаемые амфорами с местной нефтью, гнутые арабские фелюги, высоко задиравшие нос и корму, торговый русский кнорр, несколько скедий, черных с синим, а поодаль стояли в рядок боевые лоды – длиннотелые, хищных очертаний корабли. Мелкая волна вскидывала их форштевни – пока что пустые. Головы драконов, горгулий и прочих чудищ, украшающие их в походе, были сняты в виду родных берегов – своих-то зачем пугать? Успокаиваясь и радуясь, Олег насчитал семь лодий.

– Во! – хмыкнул Клык. – Ишшо три штуки настругали! Ну, молодцы! Ужо намнём лангобардам по телесам!

Убрав паруса, дромон подошёл к пристани на вёслах. Пара босоногих гридней в одних кожаных штанах приняла швартовы и живо накрутила их на крепкие деревянные столбы.

²⁹ Боспор Киммерийский – ныне Керченский пролив.

³⁰ Сурожское море нынче называют Азовским. Ромеи прозывали его Меотидой.

Прибыли.

Блистать белыми одеждами магистра Сухов не стал – обрядившись в чёрный сагий, расшитый золотыми орлами, он спустился по трапу на бревенчатый причал. И сразу же услышал родную речь:

– А чего это сюда ромеи припёрлись?

Вопрошал молодой и норовистый гридень с наглыми глазами забияки. В одних портках да в тяжёлой куртке из буйволиной кожи, обшитой роговыми пластинами, гридень задирает нос не по чину. Шлем с наносником и выкружками для глаз был молодцу великоват и сидел косо, а из-под него выглядывали две смешные рыжие косицы.

– Ты глазья-то разуй! – прикрикнул на него Боевой Клык. – Нашенский это Олег! Али не признал?

Парень охнул и засуетился:

– Князюшка, вот не ждали!

– Ступай отседова, Стемид, да ярла призови.

– Карла, что ли?

– Всех, кого сыщешь, – и Карла, и Олава, и... Чьи это лодьи стоят, ведомо тебе?

– А как же! – взбодрился Стемид. – Вон, с краю, Карла Вилобородого лодья, «Пардусом» наречена. Рядом «Семаргл» Веремуда Высокого и «Вий» Гуды Змеинового Глаза, а четвертая отсюда кабыть «Лембой» Рулава Счастливого. За ним сразу «Финист» Вуефаста Дороги...

– И этот здесь? – осклабился светлый князь. – Ага! Да ты не молчи, я слушаю. А те, што за «Финистом»?

– Которая последняя – «Морской змей» Олава Лесоруба, – протараторил Стемид, – а та, что поближе, – «Зилант», Либиар Лысый его на той неделе в море вывел.

– Вот и давай их всех... куда? А давай к тому дому с колоннами, где мы хазарина вешали. Живо!

Стемид почесал так, что босые пятки засверкали, а делегация стала чинно подниматься по крутой тропке наверх, к городу. Олег постоянно встречал приметы здешней жизни, и они находили отклик в его русской душе. Вон молодые девки в одних рубашках стоят, ведра тащат полные, аж коромысла гнутся. У девиц на головах веночки, сзади косы до пояса, а ветерок шаловливо задирает подолы или облепляет точёные фигурки, подсказывая рассудку незримые черты. А где-то петух голосит, мычит корова, звякает кузнечный молот. Русским духом пахнет, вот только запах распаренных банных веников странно сочетается с ароматами полыни и гниющих водорослей.

За распахнутыми воротами крепости Олегу открылась извилистая улица, впадающая в пыльный майдан. Под ногами пощёлкивало – уличку по эллинскому обычаю мостили галькой, осколками битых амфор, кувшинов и прочей утвари.

Россы были пришельцами в здешних безлесых краях, но приспособились они быстро. Ставили хаты-мазанки, кто побогаче – дома из ракушечника складывали. А рожь сеяли вместе с пшеницей, получалась сурожь, оттого и море так называли.

– Тебя тут, как венценосную особу, встречают, – проговорил Пончик. – По улице живого магистра водят, как видно, напоказ. Угу...

– Цыц! – сказал Олег. – Не мешай мне исполнять волю государеву.

А на улицах Тмуторокана и впрямь людно стало. Население тутошнее, зрелищами не избалованное, выходило посмотреть на ромейского вельможу, являясь всем семейством. Причём к статному блондину, светлоглазому и светлокожему, частенько жалась чёрноглазая брюнетка из алан, болгар или ясов – тут вместе сходились горы, степь и лес.

– Олежа!

Сухов восторгнулся, завидя крепкого деда, будто сделанного из стали и сыромятной кожи. Это был Турберн Железнобокий.

– В гости припожаловал, дорогой? – осведомился он, лучась.

– Кстати, да! – ответил Олег, попадая в ухватистые объятия старого варяга. – Ну и по делу тож – базилевс в поход призывает.

– А далече ли? – Глаза Турберна вмиг сделались цепкими.

– На Италию! Пока ромеи будут лангобардов колошматить в Апулии, мы вперёд уйдём – в Амальфи нагрянем, в Неаполь заглянем, в Гаэту завернём...

Олег, привыкший к ромейскому порядку и размеренности, не хотел обсуждать детали похода на улице, однако над варягами не довлек церемониал – вскоре магистра и аколита обступили плотной толпой, а потом в середину протолкались ярлы – все как один в шёлковых рубахах и в портках из рытого бархату, а уж сапогам их, расшитым жемчугами да камнями, позавидовал бы любой модник с Месы. Карла Вилобородого Сухов узнал – встречал однажды. С Олавом Лесорубом и Вуефастом Дорогой он в поход ходил на Ширван, а остальные ему были незнакомы. Зато их хорошо знал Инегельд.

После радостного рёва и мощной серии дружеских тумачков светлый князь отрекомендовал ярлам Олега, магистра и аколита, после чего представил Сухову своих знатных знакомцев. Высокие договаривающиеся стороны пошаркали сапогами в пыли и вернулись к обсуждению дел насущных.

– Лангобардов я не встречал, – задумался Карл Вилобородый. – Франков бил, свеев бил, саксов бил, а с лангобардами не пересекался.

– Ой, да те же франки, считай! – отмахнулся Инегельд. – Разомлели они в своей Лангобардии, воевать совсем разучились. Правда, много их...

– Ну так сочтём число, да и подсократим! – ухмыльнулся Олав Лесоруб. – Впервой, что ли?

– Ты мне вот что скажи, Олег, – строго спросил Либиар Лысый, великан с круглой головой, обритой наголо, – добыча ожидается знатная?

Сухов важно кивнул.

– Амальфи с Неаполем, да и Гаэта тож – торговые города, – сказал он. – Это самое... Купцы там живут богатые и хитрозадые – по три шкуры спустишь с них, и окажется, что парочку шкурок они таки заныкали.

Ярлы захохотали.

– Только учтите, – построжел Олег, – я вас не на прогулку зову. У тех городов крепкие стены, взять их будет непросто.

Рулав Счастливый пожал плечами.

– Если я учую золото, – сказал он, – камень меня не остановит.

– Неаполь, Амальфи, Гаэта, – стал загибать пальцы Вуефаст Дорога. – Это всё?

– Как разберёмся с этими, двинем к Риму, надо будет тамошнего короля Гуго купить с потрохами – таково поручение базилевса. Вернее, это самое, нам такое ответственное дело поручат, ежели возьмём три города подряд. Возьмём, я думаю... И домой!

– Согласные мы! – выразил общее мнение Карл. – Верно, ярлы?

– Верно! – заорали ярлы.

– Условия такие, – возвысил голос Сухов. – В поход отправляться только на больших лодьях! И чтоб было вас хотя бы сотни три, а лучше все четыре.

– Сейчас посчитаем, – рассмеялся Олав, любитель арифметики, – нас тут много!

– А нас? – выбился из толпы болгарин Курт из рода Дуло. – Мы тоже хотим!

– И мы сходили бы! – подал голос уздень Алэдж, сын Бэгота, ясский воевода. – Знай, урум,³¹ большие лодьи из великих дерев построены, а те деревья в наших горах росли!

После криков и азартной брани стороны договорились, что бить лангобардов пойдут четыреста пятнадцать варягов на семи лодьях,³² а так как посудины это вместительные, то можно будет взять в поход еще три сотни проверенных бойцов – болгар, савиров, ясов да алан. На том и порешили.

Ближе к вечеру, устав от публичных слушаний и говорильни, Олег выбрался за Восточные ворота. Перед ним простиралась холмистая равнина. Вблизи дорога петляла меж рожьими буграми и виноградниками, по ней проезжала ясская арба.

Земли тут были наиплодороднейшие, но и беспокойные – там грязевой вулкан извергается, целые озера жидкой горячей глины бурлят в кратерах, тут нефть выступает. Глаза смотрели на белесые солончаки, на колючие будяки и сомневались в ценности зримого. Надо было далеко отойти, чтобы почуять, как одуряюще пахнет жирная чёрная земля, – жито сеяли за плавнями, там же и скотину пасли. Такова была мера убеждения от набега кочевников, хазар или печенегов – эти тоже покою не давали.

Затюпали по пыли копыта, и из-за садочка вывернула четвёрка гнедых скакунов. Переднего оседлал совершенно счастливый Котян, вволю нанюхавшийся трав, загонявший всю четвёрку бешеной скачкой по весенней степи.

– Хорошо-то как! – воскликнул он, осаживая храпящего коня.

– Наскакался? – спросил Олег с улыбкой.

– Вдоволь! Досыта!

– Иди тогда, договаривайся с навклиром, чтобы взял на борт патриарших коников.

– А ты? – упавшим голосом спросил печенег.

– А я на лодье пойду, так быстрее выйдет.

– Ладно!

Котян спешился и повёл коней в поводу – те фыркали и мотали головами, остывая от бега. Олег оглядел темнеющую степь в последний раз, да и отправился следом за беком.

Ну, само собой, отдохнуть от трудов праведных ему не дали – на проводах гулял весь Тматорокан, гулял по-русски – до утра, до упою, до забытья. Корчаги с вином едва успевали вытаскивать из погребов. Опрокинув в себя ха-арошую чарочку, наспех закусывали икрой или ухой стерляжьей и пускались в дикий пляс, да чтоб с гиканьем, с отмашкой острым клинком!

Мрачной краснотой светила луна, зловещая муть ложилась на тихую воду залива – над Сурожским морем, над солеными озерами, над камышовыми топами кубанских гирл вставали, клубились облака испарений. Они-то и окрашивали восходы луны в кровавые тона. А сделаешь пару переходов, к горам поближе, и любуйся себе ясными ночами да серебряным разливом лунного сияния...

Едва отбившись от пары настойчивых девиц, Олег спустился к пристани, забрался на лодью «Пардус» и завалился спать.

Утром варяги похмелились и отчалили. Впереди двигался дромон «Жезл Аарона», но флагманом он пробыл недолго – выйдя в открытое море, лодьи обогнали ромейский корабль и оставили его за кормой. И снова простёрся вокруг синий, шумнокипящий Понт.

Скинув к чёрту сагий, Сухов уселся за весло и пошёл тягать гребь на пару с Малюткой Свеном. Свен грёб осторожно, боясь сломать рукоять весла. А Олег ощущал тихую радость

³¹ Урум – т. е. ромей.

³² Об участии в итальянском походе 415 варягов на 7 кораблях есть упоминания в хрониках.

возвращения, он просто упивался тем, чего ему так не доставало у ромеев, – спокойной надёжности побратимов, драгоценного чувства товарищества. Он словно заряжался бесшабашной силой варягов, их гордой волей и той храбростью, что порой доходила до самоотречения.

Двумя днями позже Олег справил свой маленький триумф – семь громадных лодий с воздетыми на штевни клыкастыми головами драконов и прочих чудовищ, с гордо выпяченными полосатыми парусами, с рядами круглых щитов по бортам, величественно вплывали в устье Золотого Рога. Превосходя в размерах кумварии и памфилы, равняясь по длине со старыми триремами и новыми дромонами, лодьи поражали воображение ромеев своею варварской красотой. Любви народной варанги, конечно же, не заслужили, да и без разницы была им та любовь. Но вот страха в людях прибавилось, и этакого опасливого уважения: видали, что эти варанги вытворяют? Божьим ли попусчением? Или наущением сатанинским?! Свят, свят, свят...

Сразу после Пасхи объявили отплытие. Сам базилевс явился провожать экспедиционную армию, приведя с собою толпу придворных. Патриарх Феофилакт на скорую руку благословил воинов, порываясь сбежать в конюшню, к своим четырём красавцам из скифских степей.

Под заполошный звон бронзовых бил и приветственные крики толпы флот отправился к берегам Италии. Последними отчалили лодьи варангов. Они скользили по водам легко и плавно, лениво даже, словно не желая зря тратить силы.

Роман I Лакапин намеренно поднялся на плоскую крышу дворца Буколеон и придвинулся к фигурным зубцам парапета. Он увидел, как флот медленно выплывал на морской простор. Русские лодьи плелись в хвосте, что варангам было не по нраву. И вот семь кораблей распустили красно-белые паруса, а северный ветер борей, родственник россам, подхватил лодьи и понёс вперёд. По сравнению с ними даже новейшие дромоны «Победоносец Ромейский», «Дракон» и «Св. Димитрий Воин» казались неуклюжими, медлительными волами рядом с быстроногими скакунами-каппадокийцами. «Но служат они мне!» – подумал базилевс и утешился.

Некоторое время Роман Лакапин глядел на море, поглощенный своими думами, пока не заметил ещё один корабль, будто догонявший отошедший флот. Это была венецианская галера. Она скользила легко, движимая чересполосицей вёсел, окунавшимися в одно и то же мгновение, и парой косых парусов, растянутых длинными реями.

Базилевс покачал головой. Венецианцы частенько бесили его своей заносчивостью и великой гордыней. Этих купцов, мореходов и рыбаков наберётся тыщ пятьдесят на всех островах их гнилого архипелага, но флот «Города-на-воде» уже сейчас внушал почтение и опаску. А что будет завтра? С какими ещё притязаниями явятся эти надменные гордецы в бархатных плащах?..

Тут автократор ромеев припомнил, что Светлейшая Республика Венеция всё ж таки провинция его империи, и улыбнулся.

Глава 5, в которой Олег испытывает превратности судьбы

1

Ромейская эскадра миновала проливы. Прошла мимо Крита, удерживаемого сарацинами – пиратами и пастухами. Вышла из толчеи островов архипелага. Обогнула коварнейший мыс Малею, где ясная погода могла почти мгновенно, как будто по мановению волшебной палочки в руке злого чародея, обратиться в бурную, а ласковый бриз сорваться в яростный шквал. Так и случилось – едва русские лоды и ромейские дромоны обошли мрачные скалистые утёсы Малеи, как на лазурные воды пала угрюмая тень, сгущая цвет волны до холодной синевы. Откуда ни возьмись, наполнил густой туман, скрывая корабли до верхушек мачт.

– Паруса долой! – вострубил Инегельд.

Варяги, видимые в сырой пелене размытыми пятнами, бросились исполнять приказ. С ромейских кораблей донесся заполошный звон – дромонарии колотили в била, предупреждая о себе. Вразнобой зазвучало: «Господи, помилуй!» – но туман лишь плотнел, покрывая белесою мглой всё вокруг. Лоды легли в дрейф, а варанги засели неподвижными статуями, напряжённо вслушиваясь, ловя малейший звук, – не шумит ли прибойная волна, не скрипит ли в опасной близости соседний корабль.

Однажды из тумана наплыл чёрный скользкий борт дромона «Феодосий Великий» – варяги дружно выставили вёсла, приняв удар, и мощно оттолкнулись. Ромейский корабль понемногу растаял в белесине.

– Как тесен мир... – пробормотал Пончик. – Ночью или в тумане даже в голову не приходят мысли о бесконечности Вселенной и безбрежности подлунного мира. Угу...

– Ну, не скажи, – протянул Олег. – Я однажды днём испытал... это самое... как тесно бывает на земле. Я, такой, в лесу ягоду собираю, малинку спелую – срываю по ягодке и в рот кидаю. Вдруг вижу – ещё один лакомится, медведь здоровый. Загребает малину когтями, чавкает и на меня посматривает – прикидывает, что ему с этим двуногим сотворить. Днём, Понч! А уж ночью... Только увижу звёзды – сразу являются мысли о бесконечном. Помнишь?.. «Ночью я открываю свой люк и вижу, как далеко разбрызганы в небе миры. И всё, что я вижу, умноженное на сколько хотите, есть только граница всё новых и новых вселенных. Всё дальше и дальше уходят они, разбегаясь, всегда разбегаясь. За грани, за грани, вечно за грани миров!»

– Кто это... так? – спросил впечатлённый Александр.

– Уолт Уитмен, – вздохнул Сухов. – Был такой... Будет такой.

– Через миллиард тыщ лет... – уныло договорил протоспафарий. – Угу...

Магистр и аколит не стал подбадривать друга. Как это, вообще, возможно? Они вжились в это время, укоренились в нём, проросли всеми нервами, а толку? Оно так и осталось для них чужим, не родным, не своим.

В этот момент, будто решив поднять настроение, погода снова поменяла знак – задул свежий ветер и порвал туман в клочья, понёс истаивающие клубы над блестящею водой. На дромонах грянули благодарственные гимны.

Олегу открылась вся лодья (вместе с Боевым Клыком он плыл на «Пардусе» Карла Вилобородого) – развалистые борта изящно сходились к носу, вытягиваясь форштевнем, шеей какой-то страхолюдной башки, изображавшей тигра – как минимум саблезубого.

– Парус поднять! – бодро скомандовал ярл.

Гулко хлопая на ветру, расправился полосатый парус, заскрипели внагиб снасти из моржовой кожи. Лодью повлекло вперёд, но разве командиры дадут спокойно посидеть личному составу?

– Не скучать! – крикнул Вилобородый. – Вёсла на воду!

Забрякали десятки вёсел. Варяги привычными движениями вытаскивали резные затычки из круглых зияний в бортах, совали в них вёсла с узкими лопастями и брались за отполированные рукояти.

– И... раз! И... два!

– Гребите! Гребите! – выдохнули вёсельщики. Лодьи набрали хорошую скорость, уходя вперёд и в сторону, дабы не мешать дромонам, хеландиям и прочим памфилам.

Очень постепенно холмистые земли Греции изгладились, уходя за горизонт, протянулись толстой синей линией. После она утончилась и пропала вовсе. Одно море простёрлось кругом.

Ночь выдалась звёздная. Олег отыскал Большую и Малую Колесницы (так ромеи прозвали небесных Медведиц), полюбовался косматыми светилами и решил пройтись на корму – приспичило магистру.

Звёздного света было довольно, чтобы разглядеть Стемида, удерживавшего рулевое весло и сонно кивавшего своим «безразмерным» шлемом.

Отлив с левого борта, магистр и аколит опёрся о крайний щит, подвешенный на особую планку, и засмотрелся на море. Вода ещё не успела как следует прогреться, и душно не было – волны нагоняли солоноватую свежесть.

Услышав тихую поступь за спиной, Олег повернулся, и это спасло его – удар кинжала пришёлся в бок. Сухов отшатнулся, хватаясь за меч, и следующий выпад порвал ему руку, вонзаясь и кромсая плоть. Боль была такая, что горло перехватило, и крик застрял в глотке.

Тёмное, сосредоточенно сопящее лицо с косицами, торчавшими из-под большого шлема, расплылось перед глазами Олега. Вытащить спафион из ножен ему ещё удалось, но вот удержать его в руках он не сумел, выронил. Почти вслепую, руководясь не рассудком, а волей к жизни, Сухов уцепился за кромку щита, укрытого от сырости чехлом из коровьей шкуры. Скоба не выдержала вес тела – изломилась, и магистр вместе со щитом ухнул в море.

Холодная вода привела его в чувство. Судорожно цепляясь за щит, Олег крикнул, но исторгнуть удалось лишь хрип. Чёрная обтекаемая масса лодьи скользнула вперёд, растворяясь во мраке. Парус недолгое время застилал созвездия непроглядным прямоугольником, но потом и он затерялся, сливаясь с гранями миров.

Лодьи обгоняли дромоны, те шли позади. Быть может, с ромейских палуб заметят человека за бортом? Едва додумав эту мысль, Олег на миг потерял сознание.

«Так не годится...» – сложилась думка. Сухов просунул руку под петлю щита и, ухватившись за треснувшую скобу, попробовал затащить на деревянный круг непослушное тело. Загнанно дыша, опустил голову на мокрый край. Как же ему худо, Господи...

Круглый варяжский щит, сколоченный из толстых досок и обитый толстой кожей, вываренной в воске, служил гридням на переправах через реки. А вот пробовал ли кто переплыть со щитом море?... На этом умственном усилии рассудок Олега померк.

2

Витале Ипато являлся патрицием и был занесён в «Золотую книгу», куда вписывали всех нобилей, все знатные семейства Светлейшей Республики Венеция. Он не был так богат, как его дядя Доменико, но содержал дворец на Большом Канале – двухэтажный каменный дом с крошечным садиком, где нашлось место для пяти чахлах деревьев. А для Венеции это служило признаком весьма состоятельного человека.

Ипато очень гордился принадлежностью к древнему роду, у него в предках числились римские сенаторы, а потому Витале с самой молодости твердил, что служить согласен разве что дожу.³³ И вот, когда в дожди вышел Пьетро II Кандиано, пробил его час.

В помощники правителю Венеции выбрали двух трибунов, так что было кому давать подсказки Кандиано по торговой или военной части, а вот Ипато дож поручал дела тайные, назначив Витале своим советником – преординатом.

Блистательная звезда Венеции стремилась в зенит, и мало кто задумывался о том, что восходила она из смрадной хляби...

...Разрывчатым полумесяцем раскинулся лабиринт из клочков зыбкой суши по Венецианской лагуне – сотня островков, полторы сотни протоков, болота и отмели, наносы ила и песчаные косы. Те острова, что побольше, были покрыты разнотравьем, рощицами и зарослями кустарника. Редкими гостями островов бывали разве что пастухи или добытчики соли.

Всё изменилось с набегом Алариха, победоносного вождя готов, чья конница сметала легионы, выкашивая их как спелое жито. Римляне из Аквилеи и Патавиума бежали на топкие острова целыми семьями, прихватывая с собой домашний скarb и рабов. И прижились, переживая смуту, ибо болота и солёное мелководье оберегало беженцев лучше крепостных стен – свирепые кочевники умели брать города, а вот с морем они не дружили.

Волна за волной проходили нашествия – то готы топтали древнюю землю Италии, то гунны, то лангобарды. «Длиннобородые»³⁴ остались навсегда, занимая брошенные виллы, поселяясь на руинах великой империи. Грозное крушение Рима сменилось целой чередой войн – завоеватели делили награбленное, схватываясь в междоусобицах, и только Венецианская лагуна оставалась тихой заводью.

Однако остатки былой гордости не позволяли римлянам и коренным венецианцам влачить нищее существование пастухов и рыбаков – они начали строить свою Республику, пуще всего остерегаясь единовластия. Болотистая почва островов укреплялась неисчислимым количеством свай из далматинского леса, сюда завозили камень с «твёрдой земли», разбивали сады и виноградники.

Столицу порешили заложить на островах Риальто, которые буквой «S» пересекала излучина древней реки, переименованная в Большой Канал. Пока что кварталы-сестры выстраивались лишь на одном его берегу – там жались друг к другу бревенчатые дома, крытые соломой, каждый с двумя дверями – одна открывалась на узенькую улочку, где с трудом расходились двое путников, а другая – на воду, где обязательно покачивалась привязанная лодка-гондола, заменявшая венецианцу лошадь. На городских задах стояли и вовсе лачуги, обмазанные глиной, с развешанными на просушку сетями, но уже появились сработанные ромейскими зодчими каменные церкви – Св. Евфимии, Св. Севера, Св. Варфоломея, Св. Касиана, Св. Августина – они возвышались над деревянной Венецией как обещание будущего

³³ Дож – так венецианцы выговаривали ромейское слово «дука» – герцог, образованное от латинского *dux*, то бишь «вождь».

³⁴ «Длиннобородые» – лангобарды.

блеска и величия. Правда, даже в вере у жителей города-амфибии доминировала гордость. Они так и говорили: «Сначала мы – венецианцы, а потом уж христиане!»

Первоначальным небесным покровителем Венеции был Феодор Тирон, но лет за сто до описываемых событий этот византийский святой уступил духовное водительство города святому Марку.

Купцы Буоно и Рустико похитили мощи апостола в Египте, а, дабы сарацинские таможенники не придирались, святые останки вывезли в корзине, прикрыв их кусками свинины.

Для хранения мощей венецианцы возвели базилику с куполом – собор Сан-Марко, напротив Дворца дождей – хорошо укрепленного замка с высокими стенами и башнями. С тех пор на расшитых знаменах Венеции красовался крылатый лев – геральдический зверь апостола Марка.

Венеция хоть и оставалась отдаленной провинцией Ромейской империи, но зависимость не слишком тяготила островитян – от этого они были в безусловном выигрыше. Ведь торговые права Венеции гарантировались принадлежностью её купцов к подданным базилевса, а раз так, то можно и потерпеть, ведь именно купля-продажа лежала в основе процветания и могущества земноводного государства.

Венеция устроилась не хитро, но ловко, став посредником между мусульманским Востоком и христианским Западом. Закупая благовония в Аравии, пурпур в Цезарее, китайский шёлк в Сирии, пряности из Индии, Цейлона и Явы, венецианцы везли сей дорогой товар знатым франкам в Брюгге, папскому двору в Риме, окружению лангобардского короля в Павии. А с Халифатом торговали рабами, лесом, оружием.

Получая баснословные сверхприбыли, Венеция стремительно богатела, её военный флот мог поспорить с ромейским или сарацинским. Светлейшая Республика сначала заявила о себе как о «царице Адриатики», а ко временам Романа Лакапина из данницы превратилась в союзницу Константинополя, и даже в соперницу. Звезда «Островной империи» восходила всё выше, и выше, и выше...

... В итале Ипато стоял на корме приземистой галеры «Аквила». Тяжелый вымпел с крылатым львом, шитым золотом по красному бархату, плавно извивался над головою патрикия – чудилось, что зверь помахивает крылами и шевелит лапами.

Впереди, на невысоких мачтах, гнулись длиннейшие реи с косыми парусами, но Ипато спешил, а посему сто пятьдесят дюжих гребцов-галеотти хрипло ухали, тягая вёсла и гремя цепями в такт. Они сидели до того тесно, что любая заминка, малейшее нарушение музыкального лада гребли, оборачивались ударом веслом по голове тому, кто выдавал «фальшивую ноту».

Дюжий негр неумоимо долбил по огромному барабану, отбивая четкий ритм. Пот тек с барабанщика градом, придавая бронзовой коже влажный блеск, но не чернокожего слушались гребцы, а трёх десятков солидариев,³⁵ меривших шагами покатуя палубу.

Ипато возвращался в Венецию, но приближение родного дома не радовало преордината – он не выполнил важное поручение дожа. Для Витале было настолько невыносимо ощущать проигрыш, что он испытывал мучение почти физическое – боль терзала его душу. Срам-то какой... Патрикий сжал зубы, крепко сожмурил глаза и замычал. Мычание перешло в короткий рык.

Впервые Республика подошла к тому, чтобы круто повлиять на судьбы империи, – Ипато сам нашёл важного сановника, готового низложить базилевса Романа и возвести на трон Константина, книгоуча и теоретика власти. Иметь податливого автократора, послушного воле дожа... Да можно ли желать большего?!

³⁵ Солидарий – от лат. solidus – монета. Так называли наемных воинов, служивших по контракту. Отсюда – солдат.

Сановник оказался умён и чрезвычайно осторожен. Он вовлекал в свои сети всё новых и новых исполнителей, очень медленно, очень постепенно, но неотступно проникал во все части громоздкой государственной машины. Этот избранник, этот ставленник дожа, и от венецианцев требовал неукоснительного соблюдения тайны. Он не оставлял в живых ни одного опасного свидетеля, никогда не упоминал в своих посланиях ничьих имён, но вот подписывался попросту – «Принцепс».³⁶ Именно тщеславие и толкнуло этого человека на измену, на союз с дожем.

Ах, с каким нетерпением ожидал Ипато первой встречи главных заговорщиков, собранных «Принцепсом»! Сколько надежд он питал, какие идеи вынашивал! И вдруг такой сокрушительный удар – некий магистр и аколит, в прошлом, говорят, варанг, раскрыл тайну, арестовал людей «Принцепса»...

Сам избранник, правда, сохранил жизнь и свободу. Единственную ниточку, ведущую к нему – Павла Сурсувула, – удалось вовремя обрезать. В тот же день Ипато приказал расстрелять из луков и самого убийцу.

Но можно ли удовольствоваться таким плачевным итогом? Пять лет незримой миру, неимоверно кропотливой работы – коту под хвост! Начинать всё сначала? А дозволит ли Кандиано? Доверится ли снова неудачнику Ипато? Не прогонит ли прочь?

– О, Боже... – глухо простонал преординат.

– Укачало, превосходительный? – участливо спросил Орсо Меммо, кормщик «Аквилы».

– Нет! – резко ответил Витале.

Однако Меммо не обратил внимания на его тон. Привстав на цыпочки, он глянул из-под руки на море.

– Там человек, превосходительный! – воскликнул кормчий.

Ипато раздражённо обернулся к морю. Да, что-то чернело на волнах. Вроде бы утопленник... Или утопающий?

Подкормщик Тибальдо побежал на нос, выкрикивая команду. Гребцы остановили своё монотонное качание, погружая вёсла в бурлившую воду, сгорбили мокрые спины и тупо сидели, даже не радуясь мимолетной передышке, – невольник на галере быстро превращается в забитое животное, еда и сон для него – краткие перерывы в мучительном, надрывном труде. Правда, страдания рабов непродолжительны – гребцы долго не живут.

Галера замедлила бег. Бойцы в кольчугах, опасаясь выпасть за борт и тут же пойти ко дну, дотянулись-таки до человека за бортом, мёртвой хваткой вцепившегося в круглый щит, и вытащили его на палубу.

– Божья кровь! – вскричал бородатый Доменико. – Да это же наш магистр! Синьор! Взгляните, какую рыбу мы поймали! Это тот самый Олегарий, натворивший столько бед, я и сам еле ушел от его варангов, а Маурицио, Галлу и Теодата он заколол на моих глазах!

– Это точно он? – нахмурился Ипато.

– Да он это, точно вам говорю! Мы же следом за ихними лодьями шли, вот и подцепили улов! Ха-ха-ха! Ну что? Добить – и в воду?

– Не-ет... – протянул Ипато, соображая. – Магистра раздеть, осмотреть, залечить раны, укрыть тёплыми и сухими одеялами. Олегарий мне нужен непременно живым и здоровым! Понятно?

– Живым так живым, – легко согласился Доменико. – Исполним! Интересно, кто же это его одолел?

– Я, кажется, догадываюсь, кто... – проворчал патрикий и резко обернулся к кормщику: – Чего ждём, Меммо? Ходу!

³⁶ Принцепс – титул римских императоров.

Орсо набрал воздуха в грудь и заорал:

– Паруса ставить! Вёсла на воду!

Негр встрепенулся, его барабан загудел по новой. Сдавленный стон вырвался из полутора сотен плоток, и вёсла, разом придя в движение, погрузились в тугую воду, оттолкнулись, снова загребли... Направляемая опытной рукою кормчего, галера понеслась на северо-запад, в Адриатику, к топким берегам царицы морей – Светлейшей Республики Венеции.

Глава 6, в которой Елена Мелиссина молодеет

Проводив Олега, Елена Мелиссина заскучала. В молодые годы это противное чувство – скука – было ей неведомо. Она вела бурную жизнь, полную опасностей и приключений. С Игнатием Фокой они составляли идеальную пару – мудрый отец и скромная дочь. В образе странствующего купца или паломника Игнатий побывал в Брюгге и Аахене, Париже и Лондоне, добирался до северных Бирки и Ладogi, отправлялся в Дамаск, Кордову или Багдад – туда, куда забрасывала его непростая судьба разведчика. И повсюду Фока бывал на вторых ролях, охраняя Мелиссину, служа ей, исполняя её приказы, ибо кто мог заподозрить молодую женщину в шпионаже и драках?

Память Елены сохранила многое. К примеру, ту погоню в Сахаре, когда её белый верблюдо-мехари уходил от разъярённых бедуинов. Их двугорбые великаны мчались за ней, вымахивая голенастыми ножищами, дикие гортанные крики преследователей оглашали ночь, а с неба светила громадная луна, осеняя ночную пустыню. Или тот холодный северный фиорд, на берегу которого проживал Олаф Йомсвикинг, сын Харальда. Там были громадные ели и мрачные скалы, а Сигурд, наложница Олафа, пела грустные песни. Рабы-трэли выплывали на лодчонках в стылое море и ловили рыбу – камбала попадалась ростом с человека, а треска – в обхват.

Из владений Йомсвикинга они с Игнатием бежали по узенькой тропке шириной в ладонь – осторожно ставишь босую ногу на эту щербину, но вся ступня не помещается, а глубоко внизу пенится прибой, клокоча меж острых скал...

Всякого она навидалась. Однако разве молодость её прошла?..

Больше Мелиссина не находится на секретной службе у величайшего – родной дом и любимый человек занимали всё её время, целиком и полностью. Она была по-настоящему счастлива все эти годы, а если бы у неё родился ребёнок, то более нечего было желать в этой жизни.

Елена вздохнула и открыла окно в парк. Листва шелестела, будто лопоча о несбывшемся, а потом долгий, протяжный звон разошёлся окрест – это заговорило било в церкви Святого Сампсона... Кто-то, кажется, шёл к дому.

Выглянув из окна, женщина убедилась, что это так, – по аллее шагал молодой иподьякон в длинном чёрном одеянии. Он сильно сутулился и размахивал руками при ходьбе, будто отгоняя от себя мелких бесов.

Спустившись вниз, Мелиссина встретила гостя в дверях. Иподьякон был сумрачен и отрешён от земного, его лицо выглядело бледным, как у всякого человека, редко бывающего на солнце, и казалось больным.

Однако не такой уж он и аскет – длинные волосы молодого священника вовсе не спалились жирными сосульками, они были тщательно вымыты и завивались. Отшельники, как и фанатики любого пошиба, редко следят за собой. Как правило, они очень неряшливы и от них неприятно пахнет. Да чего уж там – смердит.

– Что привело тебя, любезнейший? – спокойно спросила Елена, не стремясь пленить и обаять.

Иподьякон молча поклонился и произнёс:

– Святейший патриарх Феофилакт просил тебя, великолепная светлейшая, посетить его дом для важного разговора. Когда прикажешь ждать тебя?

Голос у гостя был глубок, но резок. Наверное, подумала Елена, кричит он с завизгом...

– Я не заставлю святейшего ждать, – ответила женщина любезностью, – и отправлюсь тотчас. Проводишь?

Иподьякон снова согнулся в поклоне.

Елена Мелиссина быстро переделалась в скромное платье и накинула на плечи мафорий. Набрасывать накидку на голову она не стала – не вышло бы. Волосы Еленины были настолько густы, что их копну невозможно было обжать одной ладонью – не хватало и двух.

– Я готова, – сказала зоста-патрикия, появляясь.

Маячившему в дверях Игнатию Елена велела присматривать за домом и зашагала к выходу. Спускаясь по лестнице, она испытала полузабытое возбуждение. От иподьякона пахло ладаном и свечами, а она учуяла запах тайны, почувствовала на губах металлический привкус опасности.

Выйдя на улицу, Елена подосадовала на глупые местные законы, запрещавшие передвигаться на лошадях верхом. Константинопольский эпарх был единственным в городе человеком, пользовавшимся привилегией раскатывать в грохочущей повозке-каррухе, все остальные ходили пешком или ездили на осликах. Можно было, конечно, купить восьмерых здоровых рабов, чтобы они таскали её на носилках-октофоре, но это было как-то глупо. Один необученный раб стоил тридцать номисм. Потратить двести сорок золотых монет лишь для того, чтобы иногда тебя выносили в город? Нет, денег у неё хватит, а что потом? Содержать восьмерых бездельников? Ещё чего не хватало! Лучше уж пройти пешком – это, кстати, полезно для здоровья.

Выйдя на форум Константина, Елена свернула на Месу. Резиденция патриарха находилась неподалёку от Великой церкви,³⁷ туда Мелиссина и держала путь. Рядом неслышной тенью реял иподьякон.

В патриаршем дворце было на редкость малоллюдно. Обычные просители из дальних монастырей и киновий уже покинули обитель святейшего, только во внутреннем дворе были заняты беседой Мануил Атталиат и Василий Катакил. Они бродили по дорожкам среди подрезанных кустиков мирта и вежливо противоречили друг другу, не горячась понапрасну, но терпеливо склоняя собеседника к признанию своей правоты. Впрочем, моложавый Атталиат, в отличие от престарелого Катакила, не был настолько уж поглощен разговором, чтобы не заметить присутствия Мелиссины. Улыбаясь дружески, он поклонился зоста-патрикии, и женщина ответила протомагистру тем же.

Иподьякон, так и не назвавший своего имени, исчез, зато появился грузноватый помощник патриарха. Низко прогнувшись перед зоста-патрикией, он отпахнул тяжелую парчовую занавесь, густо расшитую золотыми крестиками, и пропустил Мелиссину в мрачно-ватую приемную, обитую темно-зеленым бархатом.

– Его Святейшество ожидает великолепную светлейшую в покоях, – почтительно проговорил помощник. – Я провожу.

– Сделай милость... – небрежно измолвила Елена.

Помощник повел гостью анфиладой полутёмных комнат, спустился по узкой лестнице, улиткой раскрутившейся в обширный покой, где стояли всего пара кресел и низкий столик, зато целая стена во много-много рядов была заставлена досками икон. Перед иконостасом стоял молодой мужчина лет двадцати, почти юноша, довольно высокий для ромея, с бледным лицом, оттенённым чёрной ухоженной бородкой. Его тонкий хрящеватый нос портили широковатые ноздри, а густые брови, почти сросшиеся на переносице, гасили блеск чёрных глаз, то ли злых, то ли просто тёмных. Впалые щеки придавали молодому человеку видимость борца за веру, но тщательно причесанные и напомаженные волосы исправляли обманчивое впечатление. Это и был Его Святейшество патриарх Феофилакт.

³⁷ Великая константинопольская церковь – так сами ромеи называли храм Святой Софии.

– Я пришла по первому зову святейшего, – сказала Елена и слегка поклонилась – большего уважения к этому мальчишке, променявшему Святую Софию на конюшню, она не могла проявить, да и не хотела.

– Да-да, – засуетился патриарх, словно не зная, чем себя занять, и вывернулся-таки, велел помощнику: – Вина, Евсевий!

Молодчик, занявший патриарший престол, устроился поближе к иконам, усадив Мелиssину лицом к свету. Евсевий бесшумно метнулся в угол, где на резной подставке стоял ларец из чёрного дерева, вынул оттуда два древних бокала, вырезанных из горного хрусталя, и наполнил их вином. И покинул покои, пятясь задом и склоняясь в пояс.

Елена слегка пригубила вина, её брови поднялись, выражая приятное удивление, и бокал опустел на четверть. Феофилакт только подержал сосуд в руке, словно грея напиток, и любясь им на просвет – вино отдавало рубином.

– Как мне стало известно, тебе, великолепная светлейшая, поручались весьма ответственные и... э-э... щекотливые дела? – начал он издалека.

Мелиссина холодно усмехнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.